

HOPE

МОНА КАСТЕН

AGAIN

СНОВА НАДЕЙСЯ

Мона Кастен
Снова надейся
Серия «Again», книга 4
Серия «Young Adult. Абсолютный
бестселлер Моны Кастен»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67607670
Снова надейся: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-168535-5

Аннотация

«Снова надейся» – четвертая книга серии «Абсолютный бестселлер Моны Кастен».

Эверли Пенн не собиралась влюбляться, тем более в своего преподавателя. Но Нолан Гейтс умен, очарователен, улыбчив и невероятно красив. Только переписка с ним помогает ей оставить тяжелые воспоминания детства.

С каждым днем они все больше узнают друг о друге, и Эверли уже не в силах игнорировать свои чувства. Она готова переступить черту, но мрачная тайна, которую хранит Нолан, может разрушить их отношения навсегда.

Мона Кастен – автор международного бестселлера «Спаси меня». Тираж ее книг уже перевалил отметку в 280 000

экземпляров в России и 2 млн экземпляров в Германии! Именно эта серия открыла писательнице путь на верхние строчки рейтингов немецких магазинов.

Идеально подойдет всем, кто полюбил оригинальную трилогию Моны Кастен, а также является поклонником творчества Анны Тодд и Пенелопы Дуглас.

Содержание

Плей-лист	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	37
Глава 4	57
Глава 5	74
Глава 6	84
Глава 7	101
Глава 8	117
Глава 9	131
Глава 10	138
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Мона Кастен

Снова надейся

© Офицера И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Для Д.

Плей-лист

There's No Way – Lauv feat. Julia Michaels
Deep Burn Blue – The Paper Kites
When It Hurts You – The Paper Kites
Slow Dancing In A Burning Room – John Mayer
I Don't Trust Myself (With Loving You) – John Mayer
Gravity – John Mayer
It's Not Living (If It's Not With You) – The 1975
Feeling You – Harrison Storm
Natural – ZAYN
Tonight – ZAYN
Dance To This – Troye Sivan feat. Ariana Grande
Youngblood – 5 Seconds of Summer
Waste It On Me – Steve Aoki feat. BTS
Starry Night – Mamamoo
Miracles – Stalking Gia feat. Blackbear
Run – Matt Nathanson
In My Head – Peter Manos
Without Me – Halsey
Love Somebody Like You – Joan
Hands – Brandt Orange

Глава 1

– Интересно, когда мой папа и твоя мама осмелятся сделать следующий шаг?

Я подавилась своим матча латте и безуспешно попыталась скрыть приступ кашля. Доун тут же это заметила и начала стучать меня по спине, что никак не улучшило ситуацию, а лишь заставило закашляться еще сильнее. Парень, идущий впереди, оглянулся. Увидев задыхающуюся меня, он нахмурился и пошел быстрее, чтобы увеличить расстояние между нами.

– Что? – прохрипела я после того, как дыхательные пути снова очистились.

– Наши родители, – медленно повторила Доун и бросила на меня скептический взгляд, будто сомневаясь, задала я этот вопрос всерьез или он риторический. – Тебе не кажется, что между ними все чудесно складывается?

Я опять почувствовала желание откашляться, но подавила его, крепко стиснув зубы, и поправила сумку через плечо.

Моя мама и папа Доун встречались уже девять месяцев. Но несмотря на то, что у них все хорошо и они до сих пор счастливы вместе, оптимизма Доун я не разделяла. Я не верила, что их отношения продержатся долго – как бы ни огорчала меня эта мысль. Может, Стенли и не такой козел, как остальные типы, с которыми раньше встречалась мама, од-

нако все ее любовные истории с мужчинами рано или поздно всегда сходили на нет. Это лишь вопрос времени.

– Ты, кажется, не очень-то в восторге от этого, – разочарованно произнесла подруга.

Покосившись на нее, я задалась вопросом, как могло получиться, что за девять месяцев мы так хорошо узнали друг друга. Если одна из нас из-за чего-то переживала или плохо себя чувствовала, вторая, как правило, тут же это понимала... Как будто мы сестры, которые выросли вместе. При этом внешне мы совершенно не похожи друг на друга: в то время как у Доун темно-рыжие волосы и глаза как у олененка, глубокого карего цвета, у меня черные как смоль волосы и холодные голубые глаза, доставшиеся от отца.

– Нет, конечно, здорово, что они счастливы, – ответила я после минутного колебания.

Мысленно я часто спрашивала себя, когда все закончится. У нас с мамой слишком много тайн, которые мы не могли доверить никому – даже Эдвардсам. Как бы сильно мама ни полюбила Стенли и как бы я ни привязалась к Доун.

– Значит, ты благословляешь папу? – не отставала она.

Я замерла прямо посреди дорожки к главному зданию университета.

– Благословляю на что?

Доун повернулась ко мне, не останавливаясь. Она пошла дальше спиной вперед, зацепившись большими пальцами за лямки своего рюкзака.

– Ну, продолжать в том же духе. Думаю, он боится, что пренебрегает мной. Поэтому мне хочется лишний раз показать ему, как мы рады за них обоих.

Я вышла из состояния оцепенения, чтобы догнать Доун. Как раз когда мы поравнялись, она споткнулась и мне пришлось схватить ее за руку, чтобы она не упала.

– Так что не будь больше таким антиамуром, – заявила она, как только снова восстановила равновесие, и пихнула меня плечом в плечо.

– Я не антиамур, – ответила я.

Просто я не особенно заморачивалась на тему любви – да в принципе и не хотела. Не после того, как всю жизнь вынуждена была наблюдать, что каждый раз творило это чувство с мамой. Естественно, я рада, что она счастлива со Стенли. Но есть так много вещей, которые Доун не знает обо мне, а ее отец – о моей матери, что я не могла представить себе, как эти отношения сложатся в долгосрочной перспективе.

– Значит, выразимся немного иначе, – сказала Доун через какое-то время. – Ты не великий романтик.

– Ох, нет? – с иронией переспросила я и аккуратно сделала глоток матча латте.

– Позволь напомнить о твоём комментарии к «О нас».

Мне с трудом удалось сдержать ухмылку. Доун писала любовные романы. Так как я изучала литературу в университете, а благодаря маминой профессии уже кое-что понимала в работе над текстами, Доун попросила меня стать ее бета-ри-

дером¹. Впрочем, к ее огромному невезению, я в первую очередь обращала внимание на пробелы в содержании, а не на романтику.

Искоса взглянув на подругу, я заметила грустный блеск в ее глазах. Меня сразу начали мучить угрызения совести. То, что в прошлом меня всегда беспокоила мамина личная жизнь, еще не означало, что надо выплескивать свое недовольство на Доун. Я взяла себя в руки и улыбнулась ей:

– Ты права.

Доун ответила на улыбку.

– Я всегда права. – Она глотнула свой кофе. – Мы с папой встречаемся завтра в стейк-хаусе. Тогда и скажу ему, как мы рады, что у них все хорошо, и чтобы он так не переживал.

– Звучит как план. – Запрокинув голову, я за один раз допила остатки матча латте, а потом убрала многоразовый стакан в боковой карман сумки.

– Кажется, я тоже скоро такой куплю, – задумчиво произнесла Доун. Она сперва посмотрела на карман, в котором теперь лежал мой стакан, а потом на собственный картонный стаканчик.

– Я заказала его на сайте, где можно создать собственный рисунок на стакане. Давай напечатаем на нем обложку твоей книги или что-то вроде того, – предложила я.

Доун наморщила нос.

¹ Бета-ридер – человек, который читает рукопись до того, как автор отправил ее в издательство.

– Не думаю, что мне захочется разгуливать по университету со стаканом, на котором красуется голый торс.

– Ну, я видела в кампусе и более скандальные вещи, – ответила я и как можно незаметнее бросила взгляд на наручные часы.

Черт.

Никогда еще не приходила на курс по писательскому мастерству так поздно. Глубоко в душе я ощутила укол разочарования. Шанс на эту среду упущен. Хотя это было ясно еще тогда, когда Доун предложила попить вместе кофе перед общим семинаром. Обычно я всегда приходила на занятие как минимум на пятнадцать минут раньше, если не больше.

– Да не беги ты так. У меня ноги короче, чем у тебя, – запыхавшись, выдавила Доун, пока мы поднимались по лестнице к главному корпусу.

– Ничего подобного. Я всего на ладонь выше тебя. Кроме того, я не хочу опаздывать.

Теперь подруга взглянула на свой мобильник.

– Еще двенадцати нет. Как будто Нолан будет возмущаться, если мы придем на секунду позже, чем обычно.

– Если мы хорошо с ним ладим, это еще не значит, что надо этим пользоваться, – сказала я, открывая перед Доун дверь в главный корпус.

– Ты права. Наверное, я немного избаловалась.

Мы вместе пошли по коридорам, и пока Доун рассказывала мне о празднике, который Спенсер собирался устроить

в своем доме, я старалась игнорировать ощущение покалывания, которое усиливалось по мере того, как мы приближались к аудитории. Я максимально неприметно провела рукой по волосам, понадеявшись, что мои волны еще на месте. Обычно я смотрелась в зеркало, когда пораньше являлась на занятие, но сейчас со мной была Доун, и этому правилу пришлось изменить.

Не мешкая я нажала на ручку двери и вошла в кабинет. Трое наших одноклассников уже пришли и сидели на полу, скрестив ноги и положив тетради на колени. Мой взгляд задержался на них лишь на мгновение, прежде чем двинуться дальше. Кафедра представляла собой беспорядочную кучу ярких листов бумаги, ручек и книг, и такая картина идеально подходила человеку, который правил этим хаосом.

– Привет, Нолан, – поздоровалась Доун.

Мужчина поднял голову от книги, в которую до этого был погружен. Между его зубами был зажат кончик красной ручки. Мгновение он выглядел сбитым с толку, как будто его только что вырвали из иного мира и катапультировали в наш. Он сперва посмотрел на Доун, потом перевел взгляд на меня. Улыбнулся. Затем опустил ручку, бросил взгляд на настенные часы и облокотился на спинку стула.

– Еле успели. – Его улыбка не исчезла.

– Мы сверхпунктуальны, – откликнулась Доун.

Нолан изогнул одну бровь.

– Еще минута, и я бы отправил вас принести мне бейгл².

Такая угроза вызвала сдержанный смех в зале. Мы с Доун тоже не могли не ухмыльнуться, хотя обе знали, что это запугивание – не шутка.

У Нолана... нетрадиционный подход к обучению. Со своими студентами он общается не свысока, а как с друзьями, с которыми желает поделиться своей самой большой страстью. Он всегда пребывает в хорошем настроении и лучится энергией, а его занятия невозможно сравнить ни с одним из курсов, которые я ранее посещала в университете.

Начиная с того факта, что от нас требовалось обращаться к нему по имени, продолжая его креативными наказаниями, если мы забывали домашние задания или опаздывали, и заканчивая часами, которые мы проводили на полу, на столах или на лужайке в кампусе, – Нолан все делал не так, как от него ожидали. То же относилось и к темам, которые мы рассматривали на его курсе. Насколько поверхностным выглядел преподаватель на первый взгляд, настолько глубокие и отчасти болезненные задачи он перед нами ставил. Я не раз задавалась вопросом, есть ли причина, по которой он выбирал именно такие темы.

Нолан меня восхищал. Он был шарадой, которую я непременно хотела разгадать, и именно поэтому по средам я так спешила в аудиторию.

После того как я уселась на полу рядом с Доун, я снова

² Выпечка, по форме напоминающая бублик.

посмотрела вперед – туда, где был Нолан. Он закрыл ручку и положил ее на стол.

Его лицо было таким же необычным, как и все остальное – мягким и запоминающимся одновременно, с серыми глазами и вечно задумчиво изогнутой линией рта. Светло-русые волосы средней длины он чаще всего завязывал на затылке, что никогда не казалось мне настолько привлекательным у других мужчин. Вместе с легкой щетиной это придавало ему какой-то дикости, невероятно контрастируя с дружелюбным поведением и теплой улыбкой.

Я медленно опустила взгляд вниз. Чтобы лучше рассмотреть принт на футболке, пришлось сесть ровнее. Как правило, это первое, что я делала, когда приходила в среду на занятие, – Нолан питал слабость к всевозможным фанатским футболкам. В этот момент он чуть откинулся назад и вытянул руки над головой. Черная ткань слегка натянулась на груди. Рисунок состоял из разноцветных гирлянд-лампочек с алфавитом под ними. Я еле сдержала улыбку. Дома у меня лежала почти такая же футболка, потому что я просто обожала сериал «Очень странные дела». Мой взгляд прошелся по всему алфавиту до самого низа.

Если бы не мешала кафедра, я бы наверняка увидела полоску кожи у него на животе. Стоило промелькнуть этой мысли, как я сама себя одернула.

Затем снова подняла глаза... и застыла. Нолан смотрел прямо на меня, во взгляде светился вопрос. Щеки у меня тут

же убийственно вспыхнули, и я так быстро отвернулась, что чуть не свернула себе шею.

Возможно, существовала конкретная причина, почему я так ждала этого семинара в среду, но она была тайной, которую Доун – или любая другая живая душа на этой планете – не должна узнать.

Глава 2

Я возилась с сэндвичницей, когда вдруг зазвонил мобильник. Растерянно бросив взгляд на дисплей, я увидела на нем мамино имя. Странно. Обычно мы не созванивались по средам, потому что она ходила на йогу, а мне нужно было сделать гору домашних заданий. Я поднесла телефон к уху.

– Привет, мам, – сказала я и свободной рукой открыла сэндвичницу. Сейчас в ней готовилось единственное блюдо, которое я освоила безупречно: сэндвич с сыром. Для всего остального мне не хватало умений и мотивации. Есть люди, обладающие выдающимся кулинарным талантом, как моя почти-сводная-сестра Доун. Другим же людям, напротив, приходится довольствоваться едой из столовой, полуфабрикатами и сэндвичницей. Например, мне.

– Привет, родная, – заговорила мама. – Как у тебя дела? Как прошел день?

Нахмурившись, я закрыла сэндвичницу.

– У меня все хорошо. Среда – мой любимый день. А ты как?

– Я... – Она прочистила горло. – Я сегодня получила плохие новости от издательства.

Я почувствовала, как участился пульс.

– Они тебя уволили?

– Слава богу, нет. Однако они провели несколько сокра-

щений. Теперь я буду работать меньше часов в неделю.

Я тихо выругалась. У мамы была хорошая должность в издательстве научно-популярной литературы, но случались месяцы, когда денег все равно катастрофически не хватало. Мы взяли кредит на мою учебу в Вудсхилле, а дому, который достался нам в наследство от бабушки, уже больше пятидесяти лет, и он постоянно требует расходов на ремонт.

– На сколько часов тебя сократили? – спросила я, крепко вцепившись одной рукой в столешницу.

– Не забивай себе голову этим, мы сведем концы с концами. Я просто хотела тебе рассказать. И мне кажется... – Я буквально ощутила, с каким трудом она произносила следующие слова. – Мне кажется, будет хорошо, если ты подыщешь себе подработку в Вудсхилле. Просто на всякий случай.

– Конечно, я так и сделаю, мам, – мгновенно ответила я.

Между нами повисла тишина. Через какое-то время она откашлялась.

– Так не должно быть, родная, – пробормотала мама. – Тебе следовало бы полностью сконцентрироваться на учебе, а не идти из-за меня работать.

– Я тебе еще сто лет назад говорила, что для меня не проблема найти работу. – Я старалась разговаривать с ней так мягко, как только могла, поскольку ее все это явно очень расстраивало. Меня мучил вопрос, не скрывала ли она от меня что-нибудь – может быть, ее должность вообще находилась

под угрозой.

– Жду не дождусь, когда мы наконец со всем этим справимся и займемся нашим большим проектом, – сказала мама и вздохнула.

Мне с трудом удалось выдавить из себя короткий звук в знак согласия и натянуть улыбку, пусть мама и не могла ее видеть. Так же как и пот, который выступил у меня на затылке от ее слов.

Мама мечтала создать собственное литературное агентство – со мной в качестве партнера, – сколько я себя помню. Раньше после школы я всегда приходила в ее издательство, где часами сидела рядом с ней за письменным столом и наблюдала за работой. И там, и дома мы вместе читали, оценивали и редактировали рукописи, обмениваясь мнениями о сильных и слабых сторонах авторов и их потенциале. Мое рвение она интерпретировала как искренний интерес к ее работе и не только организовывала мне летнюю практику в других издательствах, но и придумала план, как основать со мной собственное агентство, – и таким образом осуществить величайшую мечту всей своей жизни.

– Прости, родная. Знаю, это не входило в наш план, – продолжила мама, выдергивая меня из оцепенения.

– Не переживай. Я найду подработку, – ответила я, чтобы ее успокоить.

– Ты молодец, спасибо! – Тихий мамин голос звучал наигранно радостно.

Я наморщила лоб.

– Все правда хорошо, мам? – спросила я. – Или мне завтра заехать?

– Нет-нет. Я просто немного не в себе, в офисе сегодня царил настоящий хаос. И хотя это был удар в спину, я все еще уверена: после того как ты окончишь университет, мы откроем собственное агентство.

Я отчаянно искала более безобидную тему, чем мое профессиональное будущее или наше плачевное финансовое состояние.

– Как дела у Стенли? – поинтересовалась я.

– Стенли, милый, Эверли спрашивает, как у тебя дела? – Мне было слышно, как Стенли прокричал ответ, затем мама пробормотала: – Хорошо, спасибо, что спросила.

– Он у нас?

Она ненадолго замешкалась с ответом.

– Да.

У меня образовался комок в горле. Стенли – лучший из мужчин, с которыми когда-либо встречалась мама, и тем не менее я ничего не могла поделать с растущим во мне беспокойством.

– И часто он приходит? – тихо уточнила я.

Она не отвечала, и ее молчание вдвое усилило неприятное ощущение у меня в животе. Я судорожно подбирала правильные слова.

– Пожалуйста, будь осторожна, мам, – произнесла я нако-

нец.

Мама вздохнула:

– Эверли.

– Я всего лишь волнуюсь за тебя.

Это чувство настолько укоренилось внутри меня, что я уже не представляла жизни без него. Да, Стенли хороший человек. Он в одиночку вырастил Доун, она унаследовала его теплую манеру общения и доброе сердце... но маме все равно нужно вести себя осторожно. Просто необходимо.

– Тебе не о чем волноваться, – прервала мои рассуждения мама.

Но я буду, – хотелось ответить мне, однако я промолчала. Тишина между нами затянулась настолько, что стала почти неловкой. Я судорожно придумывала слова, которые бы разрядили обстановку между нами и развеяли горький привкус прошлого, но в голову ничего не приходило.

Меня спасла маленькая голубая лампочка сэндвичницы.

– Мне пора заканчивать разговор, еда готова.

– Ты сделала что-то вкусное? – спросила мама. На заднем фоне послышался голос Стенли. У меня ускорился пульс.

– Да. – Ложь быстро сорвалась с моих губ. Порой меня саму пугало, насколько легко мне это теперь давалось. Впрочем, в этом не было ничего удивительного – в конце концов, в течение нескольких месяцев я ничем другим не занималась.

– Не забудь про ужин в субботу, – добавила она.

– Уже сделала пометку в календаре.

– Супер. – Мама немного помедлила, и мне показалось, будто она прочла мои мысли через телефон. – Пожалуйста, не беспокойся. Мы справимся.

– Мы обязательно справимся, мам, – ответила я, хотя беспокойство меня буквально переполняло. Хотелось сейчас же запрыгнуть в автобус до Портленда, чтобы быть рядом с ней.

– До скорого, родная. – Она чмокнула трубку, и я повторила за ней, прежде чем мы закончили разговор.

Минуту я пялилась на прожилки кухонной столешницы. В голове всплывали обрывки воспоминаний. Зажмурившись, я загнала их обратно в глубины своего подсознания, где им самое место. Трясущимися пальцами достала из холодильника диетическую колу и села в кресло цвета охры, стоящее у меня в гостиной.

Потом сделала глоток напитка и уставилась на плавленый сыр в сэндвиче. Голод, от которого еще совсем недавно у меня урчало в животе, резко пропал.

Со вздохом я поставила тарелку на сложенные друг на друга деревянные поддоны, которые служили мне импровизированным журнальным столиком. Снизу слышалась громящая у соседа музыка. Хэнк любил стиль хаус – а я не очень. К сожалению, уже больше года я беспомощна против его музыкального вкуса. Иногда даже громкие басы не могли заглушить стоны Хэнка, когда он в очередной раз кого-нибудь цеплял. Стены здесь пропускали больше звуков,

чем мне бы хотелось.

Я огляделась вокруг. Несмотря на то что я уже долго тут жила, квартира до сих пор выглядела неудобной. Только две рамки с фотографиями украшали стены, если не считать маленькой дырочки, из которой сыпалась штукатурка, – я безуспешно пыталась забить туда гвоздь. На самом деле я собиралась повесить больше фотографий, но была чересчур разборчива в этом вопросе и уже несколько месяцев искала подходящие. Новые чехлы для бабушкиных декоративных подушек я тоже пока не приобрела и целую вечность откладывала покупку растений с красивыми кашпо. Все это придало бы квартире более домашний вид, однако втайне меня терзали сомнения, что какие-то элементы декора заставят исчезнуть ощущение потерянности в душе.

Возможно, я никогда по-настоящему не почувствую себя в Вудсхилле как дома. Мыслями я всегда была с мамой. Поначалу мне казалось, что это просто тоска по месту, где я выросла, но потом стало ясно, что неприятное покалывание – не что иное, как страх. А после этого телефонного звонка он стал почти невыносимым.

Каждый раз рассказывая маме, как счастлива в Вудсхилле, я врала. Каждый раз изображая беззаботность перед Дун, впоследствии я мучилась от стыда. Постепенно вся эта ложь начала меня душить. На данный момент в моей жизни остался лишь один человек, которому я могла показать, как на самом деле себя чувствую... и даже этот человек не в счет.

Одной рукой я взяла со своего импровизированного стола ноутбук и раскрыла его. От этого движения из банки выплеснулось чуть-чуть колы, и я тихо чертыхнулась. Затем, недолго думая, наклонилась, чтобы слизнуть газировку с голы ноги. Слава богу, я жила одна. Поэтому могла просто лизнуть коленку и при этом не ловить на себе косой взгляд раздражающего соседа.

После того как ноутбук загрузился, я открыла почтовый ящик. Тихий сигнал известил о сегодняшнем задании «Писательской мастерской». Снова отпивая колу (на этот раз я проследила за тем, чтобы ее не разлить), я кликнула по письму.

От: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Дата: среда, 14 сентября, 21:01

Кому: список рассылки: «Слушатели дисциплины по выбору «Писательская мастерская 2»»

Тема: Домашнее задание

Дорогие студенты!

Высылаю вам задание, работы прошу прислать мне до восьми часов вечера воскресенья.

Нолан

P.S. Блейк, если ты на этот раз не выполнишь задание, я создам аккаунт в «Тиндере» с твоим именем. Я серьезно.

Я быстро скачала приложение. Потом увидела, что в почтовый ящик пришел ответ от Блейка, и открыла его.

От: Блейк Эндрюс <bandrews@woodshill.edu>

Дата: среда, 14 сентября, 21:55

Кому: список рассылки: <Слушатели дисциплины по выбору «Писательская мастерская 2»>

Тема: Re: Домашнее задание

Расслабься, Нолан. Уже делаю.

Блейк и Нолан постоянно цапались. В большинстве случаев Блейк забывал в своих ответах указывать получателем только Нолана и отправлял письмо всему списку рассылки. Он всегда делал вид, что этот курс для него обуза, но я подзревала, что на самом деле ему нравилось. Усмехнувшись, я вышла из электронной почты и открыла задание из приложения.

«Напиши текст, в котором главный герой чувствует себя не на своем месте или ощущает беспомощность. Концентрируйся не только на душевном состоянии персонажа, но и на его окружении. Пиши в течение двадцати минут. Текст может быть вымышленным или основанным на реальных событиях».

Пузырьки колы лопались у меня на языке. Я залпом допила остатки и поставила банку около своего разваливающегося кресла. Потом откинулась назад, подтянула к себе ноги и

скрестила их, поправила ноутбук на коленях. Долго думать не пришлось. Ситуация, о которой я собиралась написать, была буквально выжжена в памяти. Я медленно начала печатать:

«Люминесцентные лампы над стойкой погружают бар в желтоватый свет и заставляют бутылки на полках сверкать всевозможными оттенками. Я рассматриваю каждую из них, но больше всего мне нравится та, содержимое которой блестит сочно-зеленым цветом. Интересно, какой у него вкус. Вот бы перелезть через барную стойку, взять бутылку и сделать глоток. Наверняка это вкусно. Кроме того, мне хочется пить. Я не пила еще с тех пор, как пришла из школы. Во рту пересохло почти как тогда, когда я съела пригоршню песка.

В зале повсюду люди возраста моего отца. Не могу сказать, сколько мы здесь пробыли, но сейчас бар уже полон, а дым стал таким густым, что я почти ничего не вижу.

В носу у меня горит, глаза слезятся. Я хочу домой, хотя мамы точно еще нет. Она у бабушки в больнице и не захотела брать меня с собой. Но думаю, там мне бы понравилось больше. Здесь все очень злые, они грубят друг другу и чем сильнее напиваются, тем громче кричат.

Мой папа никогда не пьет. Он говорит, что алкоголь для слабаков. Но все равно больше всего любит проводить время с этими людьми.

– Привет, малышка, – раздается рядом со мной низкий голос. Я поворачиваюсь на слишком высоком стуле и замечаю мужчину, который со мной заговорил. У него борода и жутко красные глаза. Чем дольше он на меня смотрит, тем неуютнее я себя чувствую.

– Ты тут совсем одна? – спрашивает он.

Я оглядываюсь через плечо на зал бара. К несчастью, папы нигде не видно. Тогда я перевожу взгляд обратно на мужчину, который уселся на стул возле меня, и качаю головой.

– Может, хочешь позвонить кому-нибудь, кто тебя заберет? – продолжает он и лезет в карман брюк. Вытаскивает оттуда мобильный и придвигает его по стойке ко мне. Я смотрю сначала на телефон, потом снова на незнакомца. Затем беру сотовый и спрыгиваю с барного стула. Быстро огибаю стойку и иду в сторону туалетов. Выйдя в коридор, поднимаю крышку телефона и начинаю набирать мамин номер. Мы вместе заучивали его наизусть для экстренных случаев. Надеюсь, она не рассердится, что я ей помешаю. Я жму на зеленую трубку и прижимаю мобильник к уху. Раздается один длинный гудок... но прежде чем я слышу его во второй раз, телефон вырывают у меня из рук. Я подсакиваю.

– Какого черта ты тут творишь? – звучит грохочущий голос.

Снизу вверх я смотрю на отца, который возвышается надо мной и стискивает в ладони мобильный незнакомца. Я

уже собираюсь открыть рот и что-то сказать, как вдруг папа размахивается и швыряет телефон на пол. Я слышу, как он разлетается на куски, но не осмеливаюсь отвести глаза от своего отца. Лицо у него покраснело, глаза опасно потемнели. Знаю, каким он бывает в таком состоянии. Его руки дрожат от ярости, когда он снова размахивается, а я закрываю глаза, хотя прекрасно понимаю, что сейчас произойдет».

Я убрала руки с клавиатуры. Трясущимися пальцами потянулась к коле и обнаружила, что банка пуста. Образы, которые во время творчества вспыхивали перед моим внутренним взором, развеялись лишь через несколько минут. Кинув взгляд на часы, я осознала, что писала больше часа.

Вот что я одновременно любила и ненавидела в курсе Нолана: он постоянно сталкивал меня с прошлым и самой собой. Иногда это казалось мне чем-то вроде освобождения, однако порой приносило бесконечную боль – как сегодня. Я не хотела думать о том дне, когда в десять лет папа притащил меня в бар, потому что предпочел встретиться со своими друзьями, а не провести время со мной. Не хотела думать о затрещине, которую он вlepил мне за то, что позвонила маме без его разрешения.

Я поднялась и отложила ноутбук в сторону. Надо еще раз отредактировать текст, прежде чем отправить его Нолану, но для этого я сейчас слишком взволнованна. К тому же у меня

затекли ноги и заболела спина. Вытянув руки над головой, я сделала пару упражнений на растяжку, которые помнила еще со времен тренировок в группе поддержки. По всему телу бегали мурашки, что наверняка было связано не только с текстом, но и с телефонным разговором, который никак не выходил у меня из головы. Хорошо бы намотать парочку кругов вокруг корпуса, но такой вариант, увы, не рассматривался. Я пообещала маме больше не бегать одной по ночам. Хотя это, скорее всего, единственное, что сейчас вымотало бы меня настолько, чтобы я смогла уснуть.

Со вздохом я вновь плюхнулась в кресло. Может, получится отвлечься поисками в интернете вакансий с частичной занятостью? Первым делом я пробежалась по университетской онлайн-доске объявлений, потом по записям на сайте биржи труда, однако выбор оказался невелик. Если места и находились, то либо рабочие часы не совпадали с моим расписанием занятий, либо у работодателя были плохие отзывы. Тем не менее я сохранила несколько объявлений в закладках браузера.

После этого я без особого желания начала смотреть на *Netflix* документальный фильм о похищении детей, но не могла сосредоточиться. Снова и снова мысленно возвращалась к своему тексту. А ведь я давно могла бы его отредактировать и отправить Нолану.

Решив, что готова взглянуть на него вновь, я начала вычитывать предложение за предложением. В глаза бросилась

пара пропущенных запятых и повторяющихся слов. Некоторые предложения пришлось переформулировать или вообще переписать заново, потому что они мне разонравились или внезапно стали казаться странными. Я проработала текст несколько раз, пока не осталась довольна им по меньшей мере наполовину. А потом настала очередь той части, которую я каждую неделю ждала сильнее всего.

Я открыла почтовый ящик и кликнула на письмо Нолана, чтобы ответить.

От: Эверли Пенн <epenn@woodshill.edu>

Дата: четверг, 15 сентября, 00:31

Кому: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Тема: Re: Домашнее задание

Привет, Нолан.

Высылаю тебе готовое задание.

Всего наилучшего,

Эверли

Курсор завис над кнопкой «Отправить». Я сделала глубокий вдох и нажала на клавишу мыши.

После этого встала и пошла в ванную, где смыла макияж и встала под душ. Еще несколько лет назад я бы не смогла помыть волосы в такой поздний час – они были слишком длинными. Однако после окончания старшей школы я сделала короткую стрижку и до сих пор носила только такую прическу.

Не хотела, чтобы что-то напоминало мне о том человеке, которым я являлась раньше.

Вода ласкала кожу. Она словно смывала всю ложь и маски, которые мне приходилось носить в течение дня. С наступлением полуночи появлялось ощущение, будто я наконец могу быть тем, кем хочу. Больше не надо ни перед кем притворяться.

Возвращаясь в гостиную, я чувствовала босыми ногами басы музыки Хэнка. Я переоделась в пижаму, а сверху надела банный халат, который на прошлые рождественские праздники купила с мамой. Черный и такой мягкий, что казалось, будто заворачиваешься в облако. Окутанная приятным теплом, я подхватила со стола ноутбук и вместе с ним направилась в спальню. Там поудобнее устроилась на кровати и постаралась отогнать покалывание в животе, пока снова открывала компьютер.

Тихий сигнал объявил о новом электронном письме. Я тут же щелкнула по нему.

От: Нолан Гейтс <ngates@woodhill.edu>

Дата: четверг, 15 сентября, 00:53

Кому: Эверли Пенн <epenn@woodhill.edu>

Тема: Re: Re: Домашнее задание

Эверли!

1. Слишком поздно, чтобы отвечать на письма. Тем не менее спасибо, что ты так быстро выполнила задание.

2. Ты написала очень эмоциональный текст. Преклоняюсь перед твоим талантом.

3. В данный момент мне безумно хочется угостить тебя горячим шоколадом.

Мне так и не удалось привыкнуть к чувству, которое охватывало меня, когда на экране ноутбука высвечивалось имя Нолана, хотя мы переписывались уже больше девяти месяцев. Первое время были только обсуждения семинаров или домашних заданий, пока Доун не попросила нас обоих стать бета-ридерами ее романа. С того момента мы начали часами говорить о персонажах, сюжете и эмоциях в ее книге «О нас», иногда всю ночь проводили вместе в «Скайпе», а в конце концов наши беседы велись уже обо всем на свете.

Я не часто позволяла себе задумываться о мурашках, которые ощущала всякий раз, когда получала от него письмо. Однако когда весь внешний мир засыпал и казалось, будто не спим только мы с ним, я осмеливалась наслаждаться этим чувством.

Я кликнула на маленькую стрелочку, чтобы ответить.

От: Эверли Пенн <epenn@woodshill.edu>

Дата: четверг, 15 сентября, 00:59

Кому: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Тема: Re: Re: Re: Домашнее задание

1. Тем не менее ты прочел письмо и даже ответил.

2. На самом деле это скорее мне нужно перед тобой преклоняться. До того, как я стала посещать «Писательскую мастерскую», мои тексты были гораздо хуже.

3. Ничего не имею против горячего шоколада.

Недолго думая, я отправила сообщение. После полуночи больше тянуло рисковать, чем днем. А еще я сделала вывод, что чем позже пишешь Нолану, тем быстрее он отвечает. Так случилось и сейчас.

От: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Дата: четверг, 15 сентября, 01:01

Кому: Эверли Пенн <epenn@woodshill.edu>

Тема: Re: Re: Re: Re: Домашнее задание

1. На часах 01:01 – загадывай желание.

2. Просто поклонимся друг другу. Как перед дуэлью на шпагах.

3. Принесу тебе шоколад на следующей неделе, если не забуду.

P. S. Если еще захочешь поговорить о своем тексте – я весь внимание.

Второй пункт вызвал у меня улыбку. За прошедшие месяцы у нас был миллион таких переписок – одна странней другой. Мне нравилось необычное чувство юмора Нолана, с которым я по-настоящему познакомилась лишь после наших ночных разговоров.

Кроме того, он не только хороший слушатель, но и крайне чуткий человек. Нолан всегда словно чувствовал, когда кому-то плохо, и делал все от него зависящее, чтобы человеку снова стало лучше, о чем бы ни шла речь и сколько бы других дел у него ни было.

Я потянулась рукой за спину, чтобы поправить подушку. Потом опять коснулась пальцами клавиатуры. Слова пришли будто сами собой.

От: Эверли Пенн <epenn@woodshill.edu>

Дата: четверг, 15 сентября, 01:11

Кому: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Тема: Re: Re: Re: Re: Re: Домашнее задание

1. Я загадала. А ты?
2. Ха-ха.
3. Что мне принести тебе, чтобы отблагодарить?

Его последнее предложение я проигнорировала сознательно. Хотя я и делилась с ним многим о себе... про то, что мои тексты основаны на личном опыте, он никогда не должен узнать.

На следующий ответ ему понадобилось больше времени, чем на предыдущий. Я открыла сайт *Urban Outfitters*³, чтобы отвлечься, и прокручивала мышкой новую одежду в ката-

³ Крупная сеть магазинов молодежной одежды, обуви, аксессуаров и т. д. – Здесь и далее прим. переводчика.

логе. Когда наконец негромко звякнул почтовый ящик, моя корзина заполнилась настолько, что сумма выглядела непомерно высокой. Подумав о маме и о том, что с завтрашнего дня нужно будет приступить к активным поискам работы, я закрыла браузер. Потом кликнула на электронную почту.

От: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Дата: четверг, 15 сентября, 01:37

Кому: Эверли Пенн <epenn@woodshill.edu>

Тема: Re: Re: Re: Re: Re: Re: Домашнее задание

1. Мои желания обычно не сбываются, так что этот раз я пропущу.

3. Кофе, черный. Чем крепче и горче, тем лучше. А когда меня охватывает жажда приключений, я добавляю немного молока.

P. S. Мне завтра / сегодня вставать в пять утра и хочешь не хочешь надо идти спать. Хотя я, как всегда, был очень рад твоему виртуальному обществу.

Я вздохнула. Не хотела так быстро заканчивать наш разговор, пусть и знала, что нормальным людям нужен сон. Сейчас я бы с удовольствием переспросила, что он имел в виду под первым пунктом. Даже несмотря на то, что прекрасно все понимала, я начала печатать последнее письмо.

От: Эверли Пенн <epenn@woodshill.edu>

Дата: четверг, 15 сентября, 01:39

Кому: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Тема: Re: Re: Re: Re: Re: Re: Re: Домашнее задание
Но ведь иногда желания исполняются.

Спокойной ночи, Нолан.

Затаив дыхание, я надеялась на следующее сообщение.

Это как зависимость. Я смогу попробовать уснуть, только если он напишет мне еще раз. В противном случае можно сразу сдаваться и просто вставать.

От: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Дата: четверг, 15 сентября, 01:41

Кому: Эверли Пенн <epenn@woodshill.edu>

Тема: Re: Re: Re: Re: Re: Re: Re: Re: Домашнее задание
Сладких снов, Эверли.

Я смотрела на буквы, пока они не начали расплываться у меня перед глазами. Все тело покалывало, и я изо всех сил пыталась не думать о том, что это означает. Я уменьшила яркость экрана ноутбука, но оставила его открытым, затем сняла халат и наконец закуталась в одеяло. А потом уставилась в потолок и цеплялась за слова Нолана, чтобы прогнать страх, который пробуждала во мне ночь.

Сладких снов, Эверли. Сладких снов, Эверли. Сладких снов, Эверли.

Несмотря на все мои усилия, темнота впиалась в меня сво-

ими когтями и сжимала, пока я не начала задыхаться.

Глава 3

На пианиста, сидящего на маленькой сцене, лился яркий свет софита. Музыкант во фраке великолепно играл на блестящем черном рояле. Проникновенная блюзовая мелодия тронула меня до глубины души.

– По-моему, я еще никогда не видела, чтобы кто-то играл с такой страстью, – сказала я, пока на фоне звучала фортепьянная музыка.

– Согласна. Смотри, как полы его фрака двигаются в такт, – Доун кивнула в сторону сцены.

Я пыталась спрятать улыбку, но мне просто-напросто не удавалось. С нами поздоровался официант и повел нас в глубь ресторана к столику. Стенли выдвинул маме стул и повернул его так, чтобы она могла сесть. От меня не укрылся легкий румянец на ее щеках. Я быстро отвела взгляд и заняла место напротив нее.

– Желаете аперитив, дамы, господин? – спросил официант. Он казался не таким фанатичным, как пианист, однако выглядел так же безупречно. На темном костюме ни пылинки, а волосы буквально зацементированы на голове. Поразительно.

– С удовольствием, – ответила мама.

Мы с Доун переглянулись.

– Тут очень... шикарно, – произнесла в итоге Доун.

Это слабо сказано. В центре под потолком висела помпезная хрустальная люстра, погружающая зал в мягкий свет. Большинство гостей были одеты в дорогие вечерние наряды. Очевидно, тут не встречались спонтанно в пятницу вечером, чтобы выпить по бокальчику, а, скорее всего, бронировали столы за несколько месяцев. Я приподняла сложенную в виде лебедя салфетку и на секунду задумалась, как правильно с ней обращаться. У меня получится разложить ее и сложить обратно? Только я собиралась провести эксперимент, как Доун кашлянула.

– Есть какой-то особый повод для такого приглашения? – полюбопытствовала она, а я не удержалась и взглянула на подругу, выгнув бровь. Я уже открыла было рот, чтобы отметить ее деликатность, когда вернулся официант с аперитивами и один за другим расставил их перед нами. Изысканные бокалы были наполнены красноватой жидкостью, где плавали сиреневый цветок и две клубничные дольки. Почувствовался фруктовый запах.

Мама взяла свой бокал и обменялась взглядом со Стенли. Тошнота, которая недавно появилась у меня в животе во время нашего телефонного разговора, возвратилась и разошлась в полную силу.

– Да, особый повод есть, – заявила она.

Я перестала дышать.

– Доун, Эверли... – начал Стенли и прочистил горло. Он сжал мамину ладонь. – Мы с Морин решили съехаться.

Мелодия пианиста внезапно показалась мне невыносимо громкой. Она грохотала у меня в ушах, пока голоса гостей становились все тише, смазываясь на заднем плане. Лишь краем сознания я отметила, что Доун взвизгнула и вскочила, чтобы обнять маму и Стенли. Сама я просто сидела за столом, уставившись на маму и не в состоянии сдвинуться с места. Просто не могла поверить в то, что сейчас сказал Стенли.

Мама в ожидании смотрела на меня. Словно надеялась, что я тоже подпрыгну и буду танцевать от радости.

Оставшись сидеть, я максимально невозмутимо выдержала ее взгляд.

– Что значит вы съезжаетесь? – спросила я безо всякой интонации в голосе. – Куда вы переедете?

Я практически ощущала, как радость застыла в воздухе. Возникла неловкая пауза, в которой мама со Стенли переглянулись, а Доун в нерешительности застыла возле них.

– Наш дом намного больше, поэтому Стенли переедет к нам. Места там предостаточно. Благодаря этому мы вместе сможем сделать кое-какой ремонт, который годами ждал своего часа. – Мама выдавила из себя улыбку, на которую я не могла ответить. Просто не могла. Единственное, на что меня хватало, это молча смотреть на нее.

А как, черт возьми, ты себе это представляла? – задала я ей немой вопрос, надеясь, что она все поймет. – И почему ничего не рассказала, когда мы говорили по телефону?

Неплохо было бы меня предупредить.

Мама оторвала взгляд от меня и перевела его на Стенли. Она поцеловала его в щеку, а затем подняла свой бокал.

– За нас, – сказала мама. На щеках у нее вспыхнули красные пятна, которые можно было интерпретировать и как проявление радости, и как проявление гнева. Глаза Стенли лучились любовью, когда он приобнял ее одной рукой за плечи.

Мне стоило невероятных усилий в эту секунду налепить на лицо улыбку. Я залпом выпила аперитив и бесшумно поставила бокал обратно на стол. В желудке появилось жжение.

– По-моему, это потрясающая идея, – произнесла Доун, которая к тому моменту уже снова сидела рядом со мной. – Когда приступаете?

– В ноябре. Я уже начал разбирать вещи, – ответил ей отец.

Я неверяще посмотрела на маму. Стенли рассказывал так, словно это задумывалось уже давно. Никогда прежде я не чувствовала такой обиды.

– Разве... разве еще не рано? Вы же познакомились только в начале года, – вырвалось у меня.

– Верно, – сказал Стенли и большим пальцем погладил маму по плечу. – Но мы уверены друг в друге. А зачем тогда ждать?

Мне искренне хотелось считать его фразу романтической, однако вместо этого внутри нарастало беспокойство. Воз-

можно, Стенли тот самый – пусть и нестандартный – принц из сказки, которого мама ждала много лет. Но я все равно не хотела, чтобы он переезжал к нам.

Ведь это дом, который мы унаследовали от бабушки. Дом, в котором мы жили с тех пор, как мама подвела окончательную черту в их отношениях с папой. Я не хотела, чтобы этот бег по кругу начался заново. Каким бы хорошим ни казался Стенли... это первый настоящий дом, который у меня когда-либо был. Я навещала маму почти каждые выходные. Моя комната там – все еще мой оазис, я даже не забрала с собой в Вудсхилл все вещи, так часто приезжала. Если Стенли сейчас поселится там, а эти отношения однажды закончатся – а они точно закончатся, – то это настолько важное для меня место будет навсегда уничтожено.

Я знала, что это эгоистичные мысли, и стыдилась этого; но в то же время ничего не могла поделать с тем, что творилось у меня в душе.

– Было бы здорово, если бы вы помогли, – добавил Стенли.

– А что насчет бунгало? – спросила Доун. Теперь и в ее голосе я уловила легкое колебание, хотя она явно прикладывала гораздо больше усилий, чтобы скрыть это от своего отца.

– Я подумываю его сдавать. Так оно и дальше останется в нашей собственности, но не будет простаивать без дела и рушиться. На следующей неделе у меня назначена встреча с риелтором.

На мгновение вид у Доун стал нерешительным. Затем вернулась ее невозмутимая улыбка.

– Звучит неплохо. Я соберу своих друзей, а потом мы вынесем все из дома. Просто дайте знать, когда вам понадобится помощь.

Меня мучил вопрос, как ей это удавалось. Как она могла просто смириться с мыслью, что придется сгрести в охапку всю свою старую жизнь и попрощаться с ней? Мне в этот миг казалось, словно земля уходит из-под ног.

– У нас надо освободить только кабинет, – сказала мама. – Ну и в целом немного прибраться.

Я кивнула, все еще как будто оглушенная.

– Жду не дождусь, – откликнулся Стенли и улыбнулся всем нам. – Чувствую себя счастливейшим человеком на земле. – В конце концов он поднял свой бокал.

Я же так сильно стиснула свой пустой, что казалось, он в любой момент лопнет.

– За нас четверых, – произнес Стенли.

Симпатия к нему и Доун боролась во мне с прошлым и страхом вновь наблюдать, как мама снова совершит ту же ошибку. Когда к нам подошел официант, я заказала себе еще один коктейль в надежде, что он изгонит холод из моих вен и заглушит бушующую в теле панику.

Алкоголь заменил страх злостью. Злостью на прошлое, злостью на маму. После их торжественного объявления оста-

ток вечера тянулся как резина. Я пыталась поддерживать разговор, но бóльшую часть времени витала мыслями где-то далеко. Почти ничего не ела и в результате – игнорируя мамин ледяной взгляд – отдала свою тарелку практически нетронутой. Я ужасно себя чувствовала и ненавидела маму за то, что она поставила меня в такое положение.

Когда Стенли и Доун наконец подвезли нас до дома, я не смогла больше сдерживаться. Стоило двери закрыться за нашими спинами, я развернулась к маме и укоризненно уставилась на нее.

– Не надо так на меня смотреть, – сказала она и сняла пальто.

– Это как же? – Мой тон звучал как чистейшая провокация.

Мама приподняла бровь.

– Ты была сегодня целиком и полностью не права, Эверли.

Я молчала, поскольку знала, что наверняка пожалею о словах, которые так и хотели сорваться у меня с языка. Просто скрестила руки на груди.

– Мне казалось, ты рада за меня, – продолжала мама.

Теперь я фыркнула:

– А чему мне радоваться? Что ты утаила от меня, насколько все серьезно у вас со Стенли? Тому, что вы, похоже, перепрыгнули через пару этапов развития отношений и уже хотите жить вместе, хотя еще и года не встречаетесь? Ему вообще известно о папе?

У мамы сошли все краски с лица. Она сжала в тонкую линию побелевшие губы. Я видела, как у нее затряслись руки.

– Нет, неизвестно. И пусть так и остается.

– Да ты же не серьезно, мам! – в шоке выпалила я. Потом в голове промелькнула одна мысль. – Это из-за денег? Если да – я найду работу. Могу отказаться от квартиры в Вудсхилле и ездить в университет туда-обратно, если все настолько плохо.

Она молча повесила пальто на плечики в гардеробе. Затем повернулась ко мне и покачала головой:

– Эверли, по-моему, ты что-то путаешь. Мои отношения тебя вообще не касаются.

Я почувствовала, как к щекам приливает жар – такая меня охватила ярость. Много лет я делала все, просто все, чтобы она была счастлива... а она так меня предала?

– Очень даже касаются. Бабушка позволила нам переехать сюда, потому что хотела, чтобы у нас появилось место, где мы будем в безопасности. А не для того, чтобы ты жила тут с новым приятелем и снова все испортила из-за своих разрушенных отношений!

Мама отпрянула, словно я дала ей пощечину. Я тут же вскинула руки, капитулируя. Я уже собиралась извиниться, однако она меня опередила.

– Думаю, всем будет лучше, если ты сейчас пойдешь спать, – холодно произнесла мама и развернулась на пятках. – Не забудь выключить свет.

Я смотрела ей вслед, пока она не пересекла коридор и не закрыла дверь в свою спальню. Лучше бы она ей хлопнула. Тишина давила на уши, а в груди вдруг стало очень тесно.

Сглотнув ком в горле, я отправилась наверх, к себе. Белая комната с книжными полками над кроватью, светящимися звездами на потолке и цветами в горшках на подоконнике всегда была моим тайным убежищем. Я уже чуть больше года жила в Вудсхилле, но все равно считала своим домом именно ее, хотя мы переехали сюда только четыре года назад.

Интересно, как долго еще сохранится подобное чувство? Что произойдет, если здесь поселится Стенли? Уверена, тогда я больше не сомкну глаз. Не смогу, потому что буду бояться, что маме снова понадобится моя помощь.

Я не доверяла ни одному мужчине рядом с ней – даже Стенли, пусть за прошедшие месяцы он ни разу не вызвал у меня ощущения, что использует маму или относится к ней несерьезно. Скорее наоборот: всякий раз, когда мы с ними встречались, я чувствовала, как много она для него значит.

Сначала я радовалась за них обоих. После того как закончились последние мамины отношения, она полгода страдала и плакала почти при каждом нашем телефонном разговоре. В то время я так часто вспоминала о папе. О синяках у мамы на руках, о его криках, разносившихся по нашей прежней квартире. Давление в груди становилось все сильнее, пока меня накрывали воспоминания. Я моргнула, чтобы изба-

виться от них, однако это не особенно помогло.

Я не хотела, чтобы мама снова бросалась туда, откуда выйдет сломленной; не хотела, чтобы она вот так просто сходилась со Стенли лишь из-за грозящих нам финансовых трудностей. Да, он хороший мужчина и в одиночку воспитал Дун, которую я считала одним из лучших людей на свете. И тем не менее я ничего не могла поделать со своими растущими сомнениями. Мы так долго старались стать одной командой. Нам не нужен кто-то, кто испортит нашу жизнь и рано или поздно сделает маму несчастной.

Пройдя по комнате, я сняла туфли на высоких каблуках. Сразу за ними последовало платье с вырезом на спине, и задним числом я уже пожалела, что выбрала его. Наверное, больше никогда не смогу его надеть, потому что оно будет постоянно напоминать мне о ссоре с мамой. Переодеваясь в старую растянутую футболку, я думала, спуститься ли еще раз вниз, чтобы извиниться перед ней. Скорее всего, мама даже не пустит меня в свою комнату после того, что я ей наговорила. Внутри меня сражались стыд и злость, и от этого кружилась голова.

Почему все просто не могло оставаться так, как есть?

Я ведь делала все, что она от меня хотела, черт побери. Проходила практику в издательствах и агентствах. Вечерами напролет вычитывала рукописи и часами слушала ее объяснения, на что следует обращать внимание. Мы вместе завели папку, в которую собирали все для вдохновения и для

успешного ведения собственного бизнеса. Я поехала в Вудсхилл учиться по той же программе, что и мама в свое время, чтобы после окончания университета мы смогли реализовать проект «Литературное агентство Пенн».

Все это я делала только ради нее. Думала, может, так мне удастся заполнить брешь, образовавшуюся в ее жизни после расставания с отцом.

Видимо, меня недостаточно.

Я верю в большую любовь, Эверли, – таким был ее ответ, когда я однажды спросила, зачем она снова и снова начинает новые отношения. – *Где-то там есть моя вторая половинка. Мне просто нужно ее найти.*

Было несколько потенциальных «вторых половинок». Ни один из этих мужчин не задержался. Я не хотела, чтобы ее снова ранили, и не хотела, чтобы нам опять пришлось все начинать заново.

Присев на край кровати, я уставилась на свои руки. Мысли носились по кругу. К сожалению, алкогольный дурман оказался недостаточно силен, чтобы их заглушить.

Меня терзал вопрос, как бы отреагировал Стенли, узнай он, через что прошли мы с мамой. Она просто делала вид, будто ничего не было, в то время как я безостановочно думала о прошлом и просыпалась по ночам в холодном поту, потому что во сне передо мной появлялось папино лицо. Когда мама вела себя так беззаботно, я чувствовала себя совершенно сбитой с толку. Как будто она невероятно далеко от

меня, хотя мы были совсем рядом.

Мне вспомнилось домашнее задание, которое прислал нам Нолан.

Если еще захочешь поговорить о своем тексте – я весь внимание.

Тогда я намеренно проигнорировала его слова. Он не должен узнать, сколько реальности в моих текстах. Они слишком личные. С другой стороны, в моей жизни нет никого, с кем можно откровенно обсудить нечто подобное. Я чувствовала себя связанной и не могла самостоятельно освободиться – каждый раз, когда у меня лишь зарождалось желание открыться, что-то сдерживало меня, и я делала два шага назад, вместо того чтобы двигаться вперед. По любому другому поводу я бы обратилась к Доун, но, если речь о моей маме и ее папе, это не сработает. Она не поймет, тут я уверена на все сто процентов.

Мой взгляд упал на часы. Почти двенадцать – не слишком рано и не слишком поздно. Я встала и взяла сумку, которую собрала на выходные. Вытащила оттуда ноутбук и раскрыла его. Затем открыла «Скайп». Пока вращалось маленькое колесико авторизации, дотянулась до бутылки с водой, которая стояла возле кровати. С мягким хлопком открылось окошко «Скайпа». Я кликнула на контакты, которые были онлайн.

Невзирая на отвратительный вечер, у меня на губах заиграла улыбка.

Значок пользователя NoGa светился зеленым.

Он в Сети.

Я нерешительно обводила курсором поле для сообщения рядом с его именем. Незадолго до начала лета мы добавили друг друга в «Скайпе», чтобы обсуждать рукопись Доун. Мне нравилось, что даже на каникулах можно общаться с Ноланом в любое время дня и ночи, но сейчас, когда снова начался семестр, а рукопись Доун уже находилась у ее редактора, у меня больше не было причин писать ему здесь.

Мой палец завис над тачпадом на целую вечность.

Лучше возьми электронную книгу и немножко почитай, проспись после спиртного и завтра утром извинись перед мамой, – велела мне совесть.

Излей душу Нолану, – нашептывал алкоголь в крови. – *Будь откровенна. Говори о личном. Расскажи ему, что с тобой происходит. Что на самом деле с тобой происходит.*

Алкоголь и бóльшая часть меня, которая всегда хотела поговорить с Ноланом, не важно, хорошо я себя чувствовала или плохо, победили. Я бросила быстрый взгляд на часы.

Сейчас или никогда.

Pengirl: 00:00 – загадывай желание.

Больше не медля, я нажала на клавишу *Enter*. Потом взглянула на мобильник. Высветилось несколько сообщений от Доун.

«Что с тобой сегодня такое?»

«Папа дико расстроен».

«Может, попытаешься в следующий раз вести себя с ним

хоть капельку дружелюбней?»

Меня замучили угрызения совести. Доун права. Сегодня я была не только ужасной дочерью, но и кошмарной подружкой. Ей придется распахивать по коробкам старые воспоминания, а я сохранию свою комнату – это безопасное, священное для меня место.

Я начала печатать длинный ответ, однако стерла все фальшивые отговорки и в конце концов написала просто: «Извини».

Заблокировав экран смартфона, я убрала его в верхний ящик тумбочки. Затем улеглась на живот на кровати, подложив под грудь подушку.

Потом открыла *Netflix* и попробовала отвлечься серией «Бруклин 9–9», однако стены кружились, а Джейк, Эми, Джина и компания расплывались у меня перед глазами. Лишь когда в правом углу ноутбука мигнул значок «Скайпа», сон как рукой сняло.

NoGa: Сказано – сделано. А ты загадала?

Ощущение тошноты в животе продолжало усиливаться.

За последние месяцы мы с Ноланом разговаривали бесчисленное множество раз. Многие из бесед были очень искренними и будоражили мне кровь, но мы всегда держались на том уровне, который исключал личное. Он не подозревал, насколько в действительности реальны мои тексты и как много через них я на самом деле рассказывала ему о себе.

Пальцы буквально приклеились к клавиатуре, а я боро-

лась с собой. Нолан в Сети. Уже поздно. Возможно, у меня получится воспользоваться тем чувством, которое обычно всегда появлялось, когда я писала ему, и поделиться с ним чем-то личным... по-настоящему личным?

Помедлив, я напечатала ответ. После чего несколько раз перечитала его от и до, стерла, но только для того, чтобы набрать то же самое снова. Последний раз подумала, правда ли стоит это делать. Стоит ли доверить ему то, что меня беспокоит?

Pengirl: Я бы пожелала отмотать назад этот вечер...

Время тянулось бесконечно, пока не появились слова: «NoGa печатает...»

NoGa: Все так плохо?

Pengirl: Да.

Pengirl: А теперь мое желание точно не исполнится, потому что я его тебе рассказала.

И вновь прошло мгновение, прежде чем он ответил.

NoGa: Тогда это просто будет нашей тайной, Эверли.

Я представила себе, как он произносит мое имя, и по рукам побежали мурашки. Я прекрасно помнила тот день, когда познакомилась с Ноланом. На свое первое занятие в «Писательской мастерской» я пришла слишком рано. Нолан сидел на одном из стульев, скрестив ноги на столе, с раскрытой книгой на коленях. Мне потребовалось сделать над собой усилие, чтобы заговорить, потому что он сразу показался мне очень привлекательным, чего со мной практически

никогда не случилось.

– *Привет, я Эверли,* – сказала я.

Нолан повернулся ко мне, одарил искренней, теплой улыбкой и ответил:

– *Чудесное имя.*

Ощущение было такое, словно в меня ударила молния. И в то же время меня охватил убийственный страх. Я ведь не для того приехала в университет, чтобы в первый же учебный день потерять голову из-за парня.

Момент, когда он поднялся и подошел к доске, чтобы написать там мое имя, показался мне настоящим облегчением. Значит, мне не нужно больше думать о том, что впервые в жизни я почувствовала к кому-то настолько сильное притяжение.

NoGa: Почему ты пожелала отмотать вечер назад?

Я медленно напечатала свой ответ, однако на этот раз отправила его без колебаний. Все равно уже очень поздно. Меня окутало колдовство ночи, и я перешагнула границу между несерьезным и личным. Сейчас меня уже ничто не сдерживало.

Pengirl: Сегодня мама сказала одну вещь, которая сильно меня шокировала, и я отреагировала не лучшим образом. И при этом очень ее обидела. Теперь чувствую себя ужасным человеком.

Чтобы не наблюдать за тем, как Нолан печатает ответ, я попробовала досмотреть «Бруклин 9–9», но тут же сдалась.

Не получалось уследить за сюжетом, для этого я была слишком взволнованна. Сердце совершило кульбит, когда в окошке чата появилось его сообщение.

NoGa: Но это не означает, что ты ужасный человек.

На меня нахлынула волна облегчения, пускай это ощущение и не задержалось надолго.

Pengirl: Ты не знаешь, что я ей наговорила.

NoGa: Поверь мне, Эверли, ты не плохой человек. Все иногда расстраивают своих родителей. Если бы я записывал все моменты, когда говорил своим что-то обидное, получилась бы толстая книга размером с «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла».

Эти слова вызвали у меня улыбку.

Pengirl: Это действительно толстая книга.

NoGa: Вот именно.

Хотя мне все еще было плохо, с каждым его сообщением давление в груди ослабевало.

NoGa: Рассказать тебе, что пожелал я?

Я мгновенно послала ему кивающий смайлик.

NoGa: Я пожелал вернуться в прошлое и лучше воспитать свою собаку.

Я улыбнулась. Теперь он тоже рассказал мне кое-что личное о себе. Пальцы вновь осторожно легли на клавиатуру.

Pengirl: Не знала, что у тебя есть собака!:

NoGa: Есть. Очень непослушный бигль по кличке Бин, который сегодня сожрал целую кучу бумаг с моего рабочего

стола. Выражение «Домашнее задание съела собака» приобретает совершенно новый смысл. Вот только Бин съел не мое задание, а задания моих студентов.

У меня вырвался короткий смешок.

Pengirl: Пожалуйста, можно мне фото Бина?

Через минуту мне пришел файл. Я открыла его, и весь экран заполнила самая милая собачья морда, которую я когда-либо видела. Маленький бигль, повернув голову набок, сидел на горе разодранных листков.

NoGa: Это Бин, когда я поймал его на месте преступления.

Pengirl: А какой у него невинный вид!

NoGa: И не говори. Сразу после этого его вырвало в коридоре.

Я опять не сдержала смех. Потом сохранила фотографию на рабочем столе и открыла во второй раз. Кроме Бина и хаоса, который он учинил, я заметила узорчатый ковер, а еще расплывчатые ножки стола на заднем плане и несколько темных стеллажей прямо за ними. Интересно, как выглядела квартира Нолана? Сколько у него книг, какое любимое место для чтения и был ли у него на письменном столе такой же бардак, как на кафедре в аудитории? Все бы отдала, лишь бы разок заглянуть в его кабинет.

Pengirl: Спасибо, что развеселил.

NoGa: Рад, что тебя забавляет мое горе.

За такое короткое время ему удалось усмирить злость в

моей душе. Бросив взгляд на часы, я вновь задумалась, не сходить ли еще раз вниз. Вероятнее всего, я и так не усну, не уладив ссору с мамой. Мне хотелось как минимум извиниться.

Pengirl: Я, наверное, снова спущусь к маме. Сгладить углы и все такое.

NoGa: Хорошая идея. Уверен, после этого ты почувствуешь себя лучше.

NoGa: А я сейчас заново распечатаю все сочинения, прочту и выставлю оценки по третьему разу.

Pengirl: Просто следи за Бином.

NoGa: Я спрячу их от него, а еще лучше запру дверь.

NoGa: Удачи тебе с мамой.

Pengirl: Спасибо. А ты держись)

NoGa: Взаимно)

Я закрыла ноутбук. Ладонь на мгновение замерла на нагревшемся корпусе. Он как будто до сих пор соединял меня с Ноланом, и я наслаждалась моментом, пока могла. Написать ему было правильным решением. Он сказал именно то, что нужно, чтобы успокоить меня и вместе с тем подтолкнуть снова спуститься вниз – мысль, которая еще полчаса назад казалась мне совершенно абсурдной.

Тихо, как мышка, я пошла в мамину комнату. В щели под дверью виднелась тонкая полоска света. Я осторожно постучала.

– Мам?

Никакого ответа.

– Я... я просто хотела сказать, что прошу прощения за то, что наговорила.

Мне было слышно, как зашуршало ее одеяло, однако она продолжала молчать.

– Спокойной ночи, мам, – прошептала я.

Потом подождала еще пару секунд, но мама ничего не ответила. В следующий миг она выключила свет, и коридор погрузился во тьму. Тяжело сглотнув, я снова поднялась наверх. В своей комнате я села на край кровати и уставилась в пустоту. После этого взяла ноутбук, уже жалея, что так рано попрощалась с Ноланом. Я открыла фотографию Бина на рабочем столе и смотрела на маленького песика в надежде разогнать черные тучи, которые грозили захватить мой разум. К сожалению, не сработало.

Той ночью я не смыкала глаз.

Глава 4

Слева от меня кто-то безуспешно пытался подавить всхлип во время, должно быть, самого романтического за всю историю кино поцелуя Райана Гослинга и Рейчел Макадамс. Я повернула голову, чтобы посмотреть на Доун и Элли, затем поверх их голов взглянула на Скотта, который сидел на другом конце дивана. Его выражение лица в точности передавало мои эмоции в данный момент. Мы обменялись взглядами, и мне пришлось спрятать ухмылку.

Рядом со мной вновь послышался приглушенный звук. Глаза Доун казались огромными, как две гигантские печеньки с шоколадной крошкой, губы сложились в растроганное «О», пока ее лучшая подруга пыталась максимально незаметно смахнуть слезы со щек.

Я повернулась обратно к телевизору. Теперь Райан Гослинг понес свою возлюбленную в дом, они оба совершенно промокли под дождем. Хотя вид полупрозрачной одежды мне понравился, все остальное в этом фильме вызывало у меня один огромный вопрос.

Не привлекая внимания, я достала из кармана телефон и посмотрела на дисплей. Иногда мне хотелось, чтобы у меня был номер Нолана, чтобы писать ему в таких ситуациях. Например, сейчас мне стало любопытно, любил ли он мелодрамы или предпочитал детективы и ужасы, как я.

Смартфон я держала боком у бедра, чтобы Доун не увидела, что я загуглила хронометраж фильма.

Сто двадцать три минуты – гласил неутешительный ответ.

Сто двадцать три минуты любви, боли и Райана Гослинга, который вносил свою возлюбленную в дом, построенный своими руками.

На самом деле к реальной жизни это имело мало отношения. В реальной жизни никто не строит дома с синими ставнями. В реальной жизни вы не целуетесь под дождем и вас не носят на руках. В реальной жизни вас лишь ломают и выбрасывают, как пустую оболочку, с которой больше ничего нельзя сделать.

Я быстро прикинула, не написать ли имейл Нолану, чтобы попросить у него новую фотографию Бина, и уже открыла почтовый ящик, когда Доун пихнула меня локтем в бок. Воздух из легких вырвался с тихим звуком «Умпф».

– Эверли! – с упреком воскликнула Доун и строго посмотрела на меня.

– Что такое?

– Ты сейчас пропускаешь, наверное, самую романтическую любовную сцену на свете, – ответила Элли. Она уже говорила слегка гнусаво.

– Вообще-то в этот раз была моя очередь выбирать фильм, – заметила я.

– Ты потеряла это право после того, как вчера ужасно вела себя с моим папой. – Комментарий Доун задел меня так же

сильно, как тычок в ребра, хоть я и знала, что заслужила это.

Я удивилась, когда сегодня утром она пригласила меня домой к Спенсеру. Он отвез нас обратно в Вудсхилл, и первые полчаса атмосфера в машине казалась чертовски напряженной. Я уже пожалела, что не поехала на автобусе... пока Доун не развернулась на пассажирском сиденье, чтобы спросить, не хочу ли я вечером посмотреть с ними кино, а я от облегчения чуть не бросилась ей на шею.

– Почему ты ужасно вела себя со Стенли? – с любопытством заговорил Скотт. От его пристального взгляда мне захотелось спрятаться в диван Спенсера.

Как и много раз до этого, у меня снова появилось ощущение, что я не вписывалась в компанию Доун. Ее друзья знали друг о друге все до мельчайших подробностей, в то время как я прикладывала максимум усилий, чтобы никто не выяснил обо мне ничего лишнего.

Подыскивая подходящий ответ Скотту, я чувствовала, как начали потеть ладони.

– Наши родители хотят жить вместе, – аккуратно начала я. – И я не слишком положительно восприняла эту новость.

Теперь на мне остановился еще и недоуменный взгляд Элли.

– А что ты имеешь против Стенли?

Я опять посмотрела на экран, где двое главных героев все еще не отлипали друг от друга.

– Ничего я против него не имею.

– Но?

– Я... я не очень-то умею принимать изменения. Мама только что сообщила, что мне нужно найти работу, потому что ей урезали ставку. А потом сбросила бомбу – они со Стенли решили съехаться. Этот дом принадлежал моей бабушке, и с тех пор как она умерла... – Мне удалось лишь пожать плечами, на большее я была пока не способна. – Просто слишком много всего навалилось для одного раза.

У меня перед глазами все еще стояло мамино обиженное лицо. Потом к нему присоединилось и бабушкино. Будь она еще с нами, устроила бы мне настоящий ад за то, что я так напала на маму. Пусть она умерла два года назад, я продолжала жутко по ней скучать.

Доун выдернула меня из этих размышлений, положив руку мне на колено. Я удивленно взглянула на нее.

– Могла бы просто мне объяснить, – мягко произнесла она.

В горле образовался комок, и на мгновение я спросила себя, а что, если бы я поделилась с ними еще чем-нибудь? Я быстро отбросила эту идею.

Нельзя рассказывать остальное. Не хочу, чтобы друзья увидели меня другими глазами. Такой страх уже охватывал меня по ночам... если посвящу в это Доун и ребят, то каждый раз, когда мы будем встречаться, не смогу думать ни о чем другом. Этого я не хотела ни в коем случае. Игнорирование – вот что мне помогало. Вот что заставляло исчезнуть

вину и стыд.

– Извини, – пробормотала я.

Доун снова сжала мою ногу, а затем подвинулась так, чтобы ее голова легла мне на плечо. У меня внутри разлилось тепло.

– В городе открылся новый тату-салон. По-моему, они еще ищут человека на стойку регистрации, – сказала Элли. – Могу потом скинуть тебе адрес.

– Было бы здорово, – ответила я и благодарно ей улыбнулась.

– Знаешь что? Можешь выбрать следующий фильм, – внезапно заявила Доун.

Я изумленно посмотрела на нее.

– Правда?

Она кивнула, не убирая головы с моего плеча.

– Очень мило с твоей стороны, – ответила я.

– Я в курсе.

– Не надо делать такой великодушный вид, Доун. Я же тебя знаю. Ты всегда засыпаешь на втором фильме, – вставил Скотт, не поднимая головы от своего телефона. Он вытащил его из кармана брюк в тот момент, когда Доун предоставила мне право выбора кино.

– Нет, если идет ужастик. – Доун передернула плечами, когда Скотт показал дисплей своего смартфона, чтобы я взглянула на его список фильмов. Скотт так же обожал подкасты о реальных преступлениях, как и я, в отношении ки-

но вкусы у нас тоже сходились, поэтому мы постоянно что-нибудь друг другу советовали. Я обрадовалась смене темы. Можно отвлечься и не думать дальше о маме, ее планах переезда или о том факте, что сейчас я в один миг доверилась Доун, Элли и Скотту больше, чем за все девять месяцев нашего знакомства.

– Никак не могу поверить, что вы двое так равнодушны к Райану, – сказала Доун. – Это доказывает, что вы роботы.

Я выпрямилась, так что ее голова соскользнула с моего плеча. Мы обменялись укоризненными взглядами.

– Я не робот!

– Даже Элли не может устоять перед Райаном, а она обычно смотрит только блокбастеры. Я не знаю никого, кому бы не нравился «Дневник памяти». Даже Спенсер любит этот фильм.

Я хмыкнула:

– Плохое сравнение. Спенсер любит мелодрамы.

Доун задумчиво посмотрела на меня, прокручивая между пальцами кончик косички, из-за чего мое внимание переключилось на ее волосы. Когда-то я пробовала покрасить свои черные волосы в точно такой же темно-рыжий цвет – увы, без особого успеха. Если оранжевые пятна вообще можно назвать успехом. До сих пор помню шокированный вид мамы, когда она вернулась домой.

– Я только что слышал свое имя? – донесся с лестницы голос Спенсера.

– Как он это делает? – прошептала Элли, немного наклонившись, чтобы переглянуться со мной, Доун и Скоттом.

– Уверен, все это время он сидел на ступеньках и подслушивал, потому что обожает этот фильм, – специально слишком громко ответил Скотт, после чего все засмеялись. От такой беззаботности я почувствовала себя невероятно хорошо. Однако заранее боялась того момента, когда вновь окажусь в своих четырех стенах и буду пялиться в потолок из-за бессонницы.

– Я вообще не подслушиваю, – снова раздался голос Спенсера. Его шаги становились громче, пока он наконец не появился в прихожей и не остановился в дверном проеме на пороге гостиной. Закинув руки за голову, он с ухмылкой подался вперед. – Я просто спускался вниз, чтобы убедиться, что вам ничего не нужно.

Несмотря на то что еще пару минут назад Доун грезила о Райане Гослинге, тот, похоже, был начисто забыт, стоило в комнате появиться ее парню. Она вскочила, подбежала к нему и схватилась за воротник его рубашки в клеточку, чтобы притянуть к себе для поцелуя. Спенсер издал удивленный звук, прежде чем взять ее лицо в ладони и ответить на поцелуй.

В этот момент казалось, что время перед летними каникулами, когда я каждую неделю ездила домой к Доун передавать ей задания и конспекты из университета, было словно из другой жизни. Та Доун пугала меня, потому что вы-

глядела слишком бледной и раздавленной. Разбитое сердце выпило из нее всю энергию. Видя ее теперь такой счастливой, я испытывала огромное облегчение. Я радовалась за них со Спенсером... но вместе с тем боялась того, как сильно ее счастье зависело от любви к нему. В каком-то смысле она напоминала мне маму, хотя я запрещала себе слишком часто проводить такую параллель.

Понятно, что не все отношения обречены и не все мужчины настолько ужасны, как мой отец. Тем не менее за всеми парочками в своем окружении я наблюдала с учетом этих оговорок. Это происходило совершенно автоматически. Я хотела, чтобы близкие мне люди были счастливы. А видеть тогда подругу такой грустной оказалось просто ужасно.

Я отвела взгляд от Доун и Спенсера и снова повернулась к телевизору. Любовная сцена наконец-то закончилась. Итак, бóльшую половину фильма мы уже осилили.

– Скоро наша очередь, Скотт, – ухмыльнулась я.

– Я уже отправил тебе свой список фильмов, – откликнулся тот.

Взглянув на экран телефона, я открыла его сообщение.

Там были перечислены «Заклятие», «Ведьма», «Визит», «Техасская резня бензопилой», «Хеллоуин», «Полтергейст», «Проклятие» и еще парочка незнакомых мне фильмов.

– Как насчет «Проклятия»? – предложила я.

Скотт усмехнулся:

– Люблю «Проклятие».

– Не представляю, как можно любить что-то подобное, – покачала головой Элли.

– В общем, ваш выбор кино оставляет желать лучшего, – заявила Доун с порога. Она опять повернулась к нам, а Спенсер обнял ее со спины и положил подбородок ей на макушку.

– Ты просто не способна его оценить. Это острые ощущения, – отозвался Скотт.

Доун наморщила нос:

– Да ты же даже не смотришь его по-нормальному. Помнишь, как мы в последний раз смотрели один из твоих фильмов? Ты чуть под диван не спрятался.

– Уж кто бы говорил. – Скотт смерил ее многозначительным взглядом. – Это не я от испуга подпрыгнул на три метра.

Судя по всему, аргумент сработал. Доун замолчала и села обратно к нам на диван. Спенсер устроился в углу рядом со Скоттом.

– Но кроме желания пощекотать себе нервы, существует еще какая-нибудь причина, чтобы смотреть такое? – спросила Элли.

– Мне нравится думать о предысториях демонов и призраков, – ответила я. – Они все пережили какую-то трагедию и не могут с ней справиться.

Доун фыркнула:

– Звучит так, будто тебе жалко демонов.

Я пожала плечами:

– Просто мне интересно.

– Как и твои подкасты про убийц.

– Эй! Подкасты о реальных преступлениях – лучшее, что когда-либо случилось с человечеством, – произнесла я с полной уверенностью.

– А мне в голову приходит кое-что другое, – деловито заметил Спенсер.

– Готов был поспорить на двадцатку, что ты это скажешь, – ответил Скотт. Спенсер протянул ему кулак, и тот стукнул по нему своим.

– И что же такого захватывающего в реальных преступлениях? Там же не может быть демонов, которые тебя восхищают. – Элли вопросительно смотрела на меня.

Я ненадолго задумалась.

– Сама не знаю. С психологической точки зрения мне дико интересно понять серийного убийцу. Или, по крайней мере, попытаться. Тебя охватывает какая-то эйфория, почти как... на американских горках, – попробовала объяснить я.

– Вот такое сравнение я могу понять. Люблю американские горки, – сказал Спенсер.

Меня это не удивляло. В Спенсере вечно бурлила нерасстраченная энергия. Он всегда был в движении, шутил и как-то умудрялся завоевать расположение всех в радиусе ста миль. Я не знала никого, кому не нравился бы Спенсер Косгроув.

– Наверное, мне тоже надо начать смотреть что-то пожест-

че, – вслух рассуждала Доун.

Спенсер перевел глаза на нее, приподняв бровь.

– О, хочу на это взглянуть.

– А это еще что значит?

– Мне интересно, сколько ты выдержишь, – откликнулся он. От меня не укрылась легкая улыбка, которую Спенсер старался спрятать.

– Я *все* выдержу.

Спенсер посмотрел на меня и Скотта:

– Кажется, мне не стоило бросать ей вызов.

Я ухмыльнулась:

– Тебе стоило раньше понять, что это была ошибка.

– Доун, крошка... – начал Спенсер, однако она уже снова повернулась ко мне.

– Дальше смотрим «Проклятие», – громко объявила Доун.

Спенсер лишь усмехнулся, отворачиваясь от нас к телевизору. Там тем временем пошли финальные титры.

– Ну вот, я пропустила концовку, – укоризненно сказала Элли, – из-за того, что вы так долго болтали.

– Как будто ты не видела этот фильм двадцать раз, – прокомментировал Скотт и потянулся.

Элли скрестила руки на груди.

– Интересно, что ты скажешь, если на последних минутах «Проклятия» я начну громко разговаривать сама с собой.

Скотт проигнорировал жутко серьезный взгляд Элли и

сталил с журнального столика пульт от приставки Спенсера. В меню *Netflix* он прокрутил жанры наверх до своего списка и без колебаний нажал на «Проклятие».

Хотя я могла почти наизусть произносить реплики из этого фильма, по коже все равно побежали мурашки, и уже на первой сцене я подтянула к себе колени просто на случай, если под диваном у Спенсера сидел монстр, который нацелился на них. Когда в первый раз послышались щелкающие звуки призрака, Доун сильно вздрогнула и одновременно испугала меня.

– Мне до смерти страшно, – призналась она.

– Мне тоже, – пробормотала Элли.

Даже Спенсер слегка побледнел. И я не могла не заметить, что он тоже поднял ноги на диван. Я с ухмылкой посмотрела на Скотта.

– Наверное, нам надо начинать свои вечера ужастиков вдвоем, – предложил он.

– И речи быть не может! – запротестовала Доун.

– Я просто не хочу, чтобы ты испортила Спенсеру диван, когда наложишь в штаны.

Доун скрестила руки на груди и демонстративно уставилась в телевизор. Пару минут спустя она встала и взяла напитки на кухне. Вернувшись, вручила стаканы каждому из нас. Потом опять вышла из комнаты и принесла закуски, хотя мы еще даже не опустошили тарелку с чипсами. Затем она достала себе одно из худи Спенсера и натянула поверх одеж-

ды. Засунув руки в передний карман, пришла обратно в гостиную и села. Когда в кино убили еще одного героя, Доун снова поднялась и достала свой ноутбук. А после этого пристроилась вместе с ним возле меня и открыла документ.

Я прекрасно поняла, что она делала, но удержалась от подколки.

– Над чем работаешь? – вместо этого полюбопытствовала я.

Доун на мгновение подняла глаза и улыбнулась.

– Над продолжением «О нас». Роман называется «Рядом со мной».

– А я даже не знала, что ты пишешь второй том, – удивилась я.

– Вообще-то я пишу эту историю только для себя. Своему редактору я про нее еще ничего не говорила. Сначала решила выяснить, что о ней скажут мои бета-ридеры, – ответила она и выразительно посмотрела на меня.

Я выпрямилась.

– Я снова буду читать книгу в процессе?

– Понимаю, сегодня вечером тебе, скорее всего, хватило романтики до конца года, но я была бы рада, если бы ты взглянула на первые главы.

У меня на лице расцвела широкая улыбка.

– Конечно, взгляну. Тебе же это прекрасно известно.

Доун смущенно теребила в пальцах шнурки толстовки.

– Да?

Я кивнула:

– Ну естественно.

То, что у меня не складывалось с романтикой и отношениями, еще не означало, что я пропущу романы Доун. У нее большой писательский талант, а созданные ей персонажи с первой страницы настолько западают в душу, что у вас просто не остается выбора, кроме как сопереживать им.

– Я тоже вызываюсь добровольцем, – вставил Скотт, не отвлекаясь от сцены, в которой сейчас убивали следующую жертву проклятия.

– Спасибо, Скотт. Я очень это ценю, – сказала Доун.

Скотт мельком покосился на нее:

– Просто хочу, чтобы рано или поздно ты к этому вернулась.

– Я до сих пор помню твои комментарии, когда ты читал книги *Д. Лили*, – парировала Доун.

– И?

– Ты просто присылал сердечки, Скотт.

– Да потому что я был в самом настоящем восторге.

– Знаю и очень рада этому, но мне нужен, скорее, критический взгляд. Критический взгляд Эверли, если быть точнее.

– Ты назвала меня роботом, когда я отправила тебе обратно первый файл «О нас».

– Но только из-за того, что ты оставила замечания на всех романтических сценах и устроила дискуссию с Ноланом о

достоверности.

Я улыбнулась, вспомнив наши с Ноланом разговоры об истории Доун. На многих сценах мы оказались едины во мнениях, в других же точки зрения у нас разошлись настолько далеко, что мы отправляли файлы туда-сюда раз десять, не меньше. Под конец комментарии стали такими длинными, что растянулись на все поля страницы.

– Получается, в вашем бета-ридерском дуэте Нолан отвечает за романтику? – спросила Элли.

Мгновенно я почувствовала, как к лицу приливает жар, однако, к счастью, Скотт спас меня от необходимости отвечать.

– Я бы тоже с удовольствием обсудил с Ноланом любовные сцены, – вздохнул он. – Хотя я видел только фотографии на сайте университета, но готов поспорить, что в жизни он выглядит еще лучше. На вашем месте у меня вообще не получилось бы сосредоточиться на занятии.

Элли захихикала, в то время как Доун лишь покачала головой.

– Ой, тут у меня проблем нет, – сказала Доун. – Зато Пейдж, судя по всему, относится к этому так же, как вы двое.

– Кто такая Пейдж? – не понял Скотт.

– Девчонка с нашего курса. Она так обожает Нолана, что иногда даже становится как-то неловко.

– Правда? Пейдж? – переспросила я, удивленно глядя на Доун.

Она приподняла брови.

– А ты еще не заметила? На прошлой неделе она его чуть не облюнявила, так широко у нее открылся рот, когда он прокомментировал ее работу.

У меня в животе растеклось неприятное ощущение. Я совсем этого не замечала.

– Все равно мне нет смысла переживать об этом в случае с тобой. Потому что у тебя есть я. А у меня... ну, мы оба в курсе, какие у меня достоинства, – бросил Спенсер и криво ухмыльнулся Доун, отчего та покраснела.

– Что ж, не могу винить эту Пейдж. А у тебя тоже иммунитет, как у Доун? – неожиданно спросил меня Скотт.

Я подчеркнуто равнодушно пожала плечами, несмотря на то что наш разговор свернул в такое русло, от которого пульс у меня забился в два раза чаще, чем обычно.

– Мне нравится Нолан. Он классный.

Как прозвучало-то. Словно я говорила о каком-то знакомом, а не о человеке, который нравился мне так сильно, как никто прежде, и с которым я делилась столь многим.

– Наверное, мне стоит перейти на ваш курс и уделить ему внимание, которого он заслуживает, – пробормотал Скотт.

– В «Писательской мастерской» так мало слушателей, уверена, Нолан обрадуется, если еще кто-нибудь присоединится, – с усмешкой сказала Доун, после чего вновь уткнулась в экран своего ноутбука. К тому моменту я уже почти не воспринимала звуки, доносившиеся из телевизора. У меня пе-

ред глазами вспыхнул образ Нолана. С карандашом в руке он низко наклонился над хаосом на кафедре, сосредоточенно сдвинув брови. Я думала о наших ночных разговорах, о его шутках, о фотографиях Бина. Думала о его словах вчера ночью, когда я рассказала ему о своих проблемах. Было приятно ему довериться. И это оказалось легче, чем я предполагала.

– Нолан тоже опять будет бетой? – спросила я, стараясь говорить при этом максимально нейтрально.

Доун кивнула.

– Я надеялась, что для «Рядом со мной» мы воссоединим нашу команду мечты.

Сделав глоток воды, я вспомнила, как в свободное от лекций время по «Скайпу» обсуждала с Ноланом книгу Доун. Так у меня опять появится возможность больше с ним болтать. От волнения у меня екнуло сердце.

– Тогда с нетерпением жду твоего письма, – сказала я.

Она положила голову мне на плечо.

– Ты лучше всех.

– Интересно, повторишь ли ты эту фразу, когда получишь файл обратно?

Доун ткнула меня в бок. И несмотря на боль, я почувствовала себя счастливее, чем за всю прошлую неделю.

Глава 5

– Черный кофе для Эверли! – прокричала бариста. Я протиснулась между двумя студентами и взяла стаканчик. – Очень простой выбор сегодня, – прокомментировала девушка, пока я закручивала крышку. Она знала, что я обычно заказываю матча латте, и ухмыльнулась, будто понимала, что этот кофе для кого-то еще. Я поблагодарила, отсалютовала ей на прощание стаканчиком и направилась к главному университетскому корпусу.

Поднимаясь по ступенькам, бросила взгляд на свои часы. У меня еще двадцать минут до того, как занятие официально начнется. Я старалась медленнее идти по коридорам, чтобы не казаться запыхавшейся. Понятия не имею, почему чувствовала себя такой виноватой. Как будто делала что-то запретное, хотя прийти в аудиторию пораньше – полная тому противоположность. Прежде чем свернуть за последний угол, я провела рукой по волосам и пальцем нанесла немного бальзама на губы. Затем перепроверила, закрыта ли крышка на стаканчике и не расплескалось ли ничего, сделала глубокий вдох-выдох и преодолела последние метры до кабинета.

Повернув ручку, я открыла дверь.

Нолан сидел за своим столом, вокруг него царил привычный беспорядок из бумаг, книг и ручек. Мне нравилось, что он работал вот так. Это показывало, что, вопреки распро-

страненному мнению, можно быть хаотичным, но в то же время организованным – пускай это и звучит парадоксально.

Сначала он не замечал моего присутствия. Нолан низко склонился над листом, держа в руке красную ручку, кончиком которой задумчиво постукивал по губам.

Помню, как сказала ему, что считаю красный цвет агрессивным и внушающим страх. С тех пор в моих работах он пользовался только зеленой ручкой.

Кашлянув, я дала о себе знать. Нолан вскинул голову и пару секунд растерянно смотрел на меня, прежде чем уголки его рта изогнулись в улыбке.

– Эверли. – Он откинулся назад и вытянул руки над головой. – Ты рано.

Я кивнула и закрыла за собой дверь.

– Потому что обещала тебе вот это.

Затем я прошла вперед и поставила перед ним стакан с кофе.

Его улыбка стала шире.

– Кофе?

– Черный и горький, как ты хотел.

Нолан поднял палец вверх, словно делая мне знак чуть-чуть подождать, и нагнулся, чтобы открыть большой ящик под кафедрой. Затем он вытащил оттуда термос из нержавеющей стали и стаканчик. Стаканчик он поставил на стол и наполнил его жидкостью из термоса. Наконец подвинул в мою сторону дымящийся напиток.

– Горячий шоколад? – спросила я и подняла стаканчик, сжимая его обеими руками. От него исходило приятное тепло.

– Горячий шоколад собственного приготовления, – поправил он меня. – По секретному рецепту моей мамы.

Не знаю, шутка это или нет – с Ноланом никогда нельзя быть уверенной наверняка, – но я в любом случае обрадовалась и отпила глоток. Потом вздохнула:

– Из чего бы он ни был – на вкус потрясающе.

Он облокотился на спинку стула и тоже глотнул кофе. Только после этого Нолан рассмотрел мой стакан.

– Как подходит под ситуацию, – сказал он, указывая на надпись «But first coffee»⁴.

Я послала Нолану мимолетную улыбку и положила свои вещи на стул в первом ряду. Потом второй раз пригубила шоколад. Он согревал меня изнутри и напоминал о холодном осеннем вечере, который лучше всего проводить с книгой, укутавшись в теплый плед на диване. Хотя на улице еще не похолодало, лето постепенно подходило к концу. Скоро вновь станет рано темнеть и наступит пора толстых курток и сапог.

– Шоколад напоминает мне об осени.

– Твое любимое время года, – ответил он. – Тогда я все правильно сделал.

От того, что он подметил такую мелочь, у меня радостно

⁴ Но сначала кофе (англ.).

подпрыгнуло сердце. Однако потом меня омрачила мысль, что Нолан запоминал такие моменты обо всех своих студентах – просто он такой. Это не означало, что я особенная.

Нолан допил последний глоток кофе, затем встал и положил ручку на эссе, которое только что проверял. Он обошел кафедру и начал отодвигать мебель к краю аудитории. Я молча принялась ему помогать и взяла стул, на котором недавно сложила свои вещи, чтобы убрать его с дороги. А когда опять обернулась, Нолан поднимал стол. Тот был тяжелым, однако мужчина сделал вид, что он весит не больше перышка. Мне стало интересно, занимается ли он спортом. Помимо этого, я, как и всю прошлую неделю, спрашивала себя, как выглядел его живот под футболкой. Что бы я только ни отдала, чтобы...

– Слышал, мы оба снова можем стать бета-ридерами, – внезапно заговорил он.

Застигнутая врасплох, я быстро перевела взгляд на следующий стул и убрала в сторону. Пришлось перевести дыхание, прежде чем опять посмотреть на Нолана.

– Уже жду не дождусь.

– Я тоже. Особенно романтических сцен, – сказал он, и я отчетливо расслышала дразнящие нотки в его голосе.

– Веришь или нет, я к ним готова. Меня тренировали в выходные на эту тему.

– Ах, вот как? – откликнулся Нолан, не глядя на меня. Вместо этого он нацелился на новый стол.

– Доун устроила мне передозировку Райаном Гослингом. Нолан расхохотался.

– Да-да, смейся. Однако не забывай о том, что потом наступит моя очередь, когда случится хеппи-энд, а ты снова захочешь убедить Доун, что ее главные герои смогут жить, даже расставшись навсегда.

Он ухмыльнулся.

– У историй не обязательно должен быть счастливый финал.

– Знаю. Только неужели тебе не кажется, что есть в этом какое-то ощущение свободы, когда в конце можешь закрыть книгу и порадоваться, что все разрешилось?

– Да, разумеется. Но еще мне нравится задаваться вопросом, что бы произошло с людьми, если бы не было классического хеппи-энда. Как бы у них все сложилось в дальнейшем? – Он поднял следующий стол, а я пыталась смотреть ему в лицо, а не на напрягшиеся руки. – Как они справились с потерями и поражениями? Как из-за этого изменились их характеры? Куда завела их судьба?

Я выгнула бровь.

– Не предлагай больше Доун убить в финале главного героя.

– Ты портишь мне все веселье. – Он опустил стол на пол, вернулся обратно и подхватил по стулу в каждую руку. Его чертовы руки однажды меня погубят. У меня не получалось отвести взгляд.

– Я не порчу веселье. Просто у тебя садистские наклонности, – рассеянно заметила я.

Он поставил стулья один на другой.

– Садизм – это не мое. У меня другие предпочтения.

– И какие же? – спросила я, не успев прикусить язык.

В тот же момент он вновь повернулся ко мне и посмотрел таким взглядом, какого я не видела у него никогда прежде. Гипнотизирующим. Хотя передо мной стоял еще один стул, я не могла поднять руку, чтобы взять его. Я как будто превратилась в ледяную статую, пойманная взглядом Нолана и многообещающей тьмой, заключенной в нем.

Мне непременно хотелось одержать победу в этом обмене колкостями, однако теперь я была не уверена, что это такая уж хорошая идея. Я судорожно соображала, что сказать, чтобы опять разрядить обстановку и прогнать возникшее между нами напряжение.

Вдруг дверь в аудиторию распахнулась, и вошел Блейк.

Взгляд Нолана прояснился в мгновение ока. Он отвернулся, и это вывело меня из оцепенения. С дико колотящимся сердцем мне удалось вцепиться в последний стул и перенести его в сторону.

– Я принес тебе пончик, о дорогой учитель, – торжественно объявил Блейк позади меня. – В качестве компенсации за прошлую неделю.

– Как внимательно с твоей стороны. Однако я все равно не забыл, что ты прислал задание на день позже. Тебе известно,

что это значит. – Голос Нолана звучал абсолютно нормально. Наверняка его сердце сейчас не стучало так быстро, как мое.

В то время как Блейк издал стон, внутри меня продолжалась внутренняя борьба с самой собой. Присев на стул, я спросила себя, что это только что было. Лицо у меня пылало, и больше всего хотелось открыть одно из окон, чтобы остыть.

– А ты вообще знал, что «Нолан» по-французски значит «пощада»? – спросил Блейк.

Нолан скептически приподнял бровь.

– А я всегда думал, что у меня ирландское имя, которое означает «благородный» или «прославленный». Но спасибо, что просветил, Блейк.

– Не за что. Между прочим, по-моему, если тебя заботит мое благополучие, ты мог бы чуть больше прочувствовать фишку с пощадой.

– Отнесусь к этому со всей серьезностью.

– Спасибо, мастер Гейтс, – ответил Блейк и сел задом наперед на стул возле меня. Сложив руки на спинке, он улыбнулся мне: – Привет, дорогуша. Как дела?

Так как в данный момент я делала все, что было в моих силах, чтобы не встречаться взглядом с Ноланом, Блейк стал прекрасным поводом переключить внимание. Я тоже ему улыбнулась:

– Нормально. Как проходит твоя неделя?

Он пожал плечами и провел рукой по каштановым волосам:

– Тоже ничего особенного.

– Скажи, ты правда специально отправляешь работы слишком поздно? – любопытно спросила я, развернувшись чуть левее, чтобы смотреть прямо на него.

Один уголок рта Блейка слегка изогнулся вверх. Он покосился на Нолана, который снова уселся за свой стол и склонился над стопкой листов.

– И в чем будет прикол, если я тебе сейчас все выдам? – спросил он.

– Думаю, это однозначное «да», – заключила я. Почему-то его улыбка оказалась заразной – я просто не могла не ответить на нее, хотя у меня до сих пор горели щеки. – Мне просто интересно, что тебе это дает?

Он повел плечом.

– Веселье? Приключения? Луч света за всю относительно безрадостную неделю?

Я знакома с Блейком больше года. Мы друзья, и мне известно, что недели у него не особенно безрадостные. Скорее, наоборот. Он играл в баскетбол за «Орлов Вудсхилла», и не ему жаловаться на отсутствие внимания.

– Тренер гоняет вас за то, что вы проиграли два последних товарищеских матча? – спросила я.

Блейк прижал руку к груди:

– В самое сердце, Эверли.

– Прости, – сказала я, отчаянно пытаюсь не замечать Нолана, который шелестел бумагой, и не размышлять о том, как

бы звучал его ответ на мой вопрос. Вместо этого я сосредоточилась на зеленых глазах Блейка и его кривой усмешке, которая к тому времени превратилась в такую же неотъемлемую часть моей среды, как разговоры с Ноланом.

– Уверен, мы проиграли только потому, что ты до сих пор не пришла ни на одну нашу игру.

– Я не большой фанат баскетбола, – отозвалась я.

Меня всегда мучила совесть, когда я врала своим друзьям... но эта ложь причиняла настоящую боль.

– Не говори, что ты предпочитаешь бейсбол, Эверли. Не думаю, что выдержи второй удар в сердце.

– Ни в коем случае. В бейсболе нет чирлидеров, – легкомысленно заявила я, потянувшись через три стула, чтобы достать до своего стакана с горячим шоколадом. Пригубила его и с разочарованием отметила, что он уже стал чуть теплым.

Блейк открыл рот и снова закрыл. Затем его улыбка стала еще шире.

– Не говори, что ты была чирлидером.

Я застыла на середине движения. Этот день сведет меня в могилу. Обычно я так себя не выдавала. Это все из-за того, что Нолан выбил меня из колеи.

– Не важно. – Чтобы больше ничего не говорить, я сделала еще один большой глоток.

– Все бы отдал, чтобы увидеть, как ты выступаешь в группе поддержки.

Я изогнула бровь:

– Это потому, что у тебя странный фетиш, или потому, что ты любишь соревновательный спорт так же сильно, как баскетбол?

Блейк ухмыльнулся:

– Естественно, последнее. А ты что подумала?

Выхватив стаканчик из моих рук, он глотнул оттуда, как будто это его шоколад. Я даже не успела его остановить. В этот миг опять открылась дверь аудитории. Я увидела, как, тихо поздоровавшись, вошла Пейдж. Сзади вдоль шеи побежали мурашки, и я машинально оглянулась на Нолана.

И оказалась не готова к его пристальному взгляду. Он смотрел на меня и Блейка, и, хотя лицо его при этом не выражало совершенно никаких эмоций, в серых глазах бушевал ураган. Этот момент продлился всего секунду – когда он моргнул, мрачные тучи развеялись так быстро, что я спросила себя, не показалось ли мне.

Глава 6

– Мне очень жаль, – сказал официант и одарил меня извиняющейся улыбкой. – Сейчас у нас хватает персонала. Можешь спросить у наших соседей. По-моему, они до сих пор ищут продавца.

– О'кей, в любом случае спасибо, – ответила я, хотя уже была у их соседей, и там мне тоже не повезло. – Вот мое резюме. Если потом вам потребуется человек, будет здорово, если вы вспомните обо мне.

– Обязательно, – пообещал он, после чего снова ушел на кухню, где передал только что принятые заказы.

Выйдя из здания, я остановилась возле дверей и вытащила из кармана куртки сложенный список. Взяв ручку, которую до этого сунула за ухо, со вздохом вычеркнула ресторан.

Оказалось, что найти подработку намного тяжелее, чем я думала. После четырех часов безрезультатных поисков мой первоначальный оптимизм значительно поутих. Я обошла уже больше семи мест в центре города, была даже в *Wesley's* – магазине техники, настолько захламленном, что на то, чтобы привести его в порядок, уйдут годы. Его шеф (надо признать, очень неприятный тип) отправил меня восвояси, потому что он совсем недавно кого-то нанял. Несмотря на странные ухмылки, все-таки он вел себя вежливей, чем хозяин предыдущего магазина, который даже не захотел оставить у себя ре-

зюме и буквально швырнул его мне, так что пришлось поднимать его с пола.

Окинув взглядом улицу, я снова вздохнула. Я добралась почти до самого конца. Дальше располагался магазин, который сейчас ремонтировали, затем химчистка, которая уже закрылась, и последним шел... тату-салон, который в прошлую субботу упоминала Элли. Мне захотелось стукнуть себя по лбу. Я совершенно забыла, что она мне о нем рассказывала, и не записала его в список.

Я направилась к двери, над которой простыми буквами было написано: «*Get Inked*». В отличие от прочих магазинов и ресторанов окна тут выглядели чистыми, а внутреннее помещение ярко освещалось. Недолго думая, я поднялась по двум ступенькам ко входу и шагнула в студию.

Для меня стало сюрпризом, какой светлой и уютной оказалась зона приема посетителей. Высокие белые стены, на которых в рамках развешаны фотографии татуировок и людей, гордо их демонстрирующих, а пол на первый взгляд выглядел как настоящий паркет. Еще одна противоположность других мест, где я сегодня побывала, – здесь пахло чистотой, немножко деревом и мятой. На маленьком антикварном золотистом столике стоял кулер для воды с огурцами и апельсинами, а прямо рядом с ним – несколько стаканов. Хотя у меня пересохло в горле и я бы не отказалась от стакана воды, я прошла напрямик к стойке регистрации, которая находилась в центре зала. За ней сидела молодая женщина с татуи-

ровками на обеих руках.

– Привет, – поздоровалась она и дружелюбно мне улыбнулась. Напечатав еще что-то на компьютере, она поднялась со своего табурета и обратилась ко мне: – Чем могу тебе помочь?

– Привет. – Я откашлялась. – Я слышала, что вы открылись совсем недавно, и хотела уточнить, не нужны ли вам еще сотрудники?

Она кивнула:

– Нам срочно требуется еще кто-нибудь на ресепшен. Ничего особо интересного: отвечать на телефонные звонки, распределять запись, встречать клиентов и следить за тем, чтобы они комфортно себя чувствовали.

Она преподнесла это как самые скучные занятия в мире, в то время как для меня все звучало просто идеально. Я тут же извлекла из сумки свое резюме и протянула ей.

– Мне бы хотелось подать заявку на эту вакансию.

Усмехнувшись, девушка взяла лист, быстро пробежала его глазами и вернула мне.

– У тебя есть татуировки?

Загоревшаяся во мне надежда вновь угасла. Я постаралась не выглядеть слишком неуверенной, когда покачала головой.

– Нет, пока нет. Но есть пирсинг. – И приподняла волосы за левым ухом, чтобы открыть хеликс⁵.

Татуировщица улыбнулась.

⁵ Хеликс – пирсинг хряща уха.

– Круто. А по каким дням ты могла бы работать? – уточнила она.

– Вторник, четверг и пятница. В крайнем случае и по субботам, но, если честно, на выходные я не особо рассчитываю. – Обычно в эти дни я ездила к маме, хотя в настоящий момент пыталась избегать любых мыслей о ней.

Девушка отмахнулась:

– Тебе нужно будет приходить только среди недели, по выходным у нас, как правило, четкое расписание. У тебя есть минутка? Я бы сходила за боссом.

Я кивнула:

– Да, конечно.

Она исчезла за широкой дверью во внутренней части студии. Чуть позже девушка вернулась с высоким мужчиной, покрытым татуировками от шеи и ниже. Я бы с удовольствием внимательнее присмотрелась к черным рисункам, тянувшимся по большей части его кожи, чтобы различить детали, но побоялась показаться невежливой. Вместо этого я подняла взгляд на его лицо. Пара непослушных прядей волос выбилась из-под черной шапки-бини и упала ему на лоб. Он был моложе, чем все остальные начальники, с которыми я сегодня встречалась.

У меня не получилось истолковать выражение его лица, когда мужчина протянул мне руку:

– Я Зеэв.

– Эверли, – ответила я и пожала его ладонь. Его рукопо-

жание было коротким и крепким.

– Рад знакомству, Эверли. Слышал, ты ищешь работу?

Я кивнула.

– Твоя коллега... – Я вопросительно посмотрела на нее.

– Кэти, – помогла мне та.

– Кэти сказала, что вы еще подыскиваете человека на ре-сепшен. За время стажировки в издательстве я часто занималась расписанием встреч на неделю. – Вряд ли эти две должности можно сравнивать, но тем не менее я старалась представить себя в лучшем свете.

– Звучит отлично. – Он бросил взгляд на мое резюме и внимательно его прочел. – Готова выйти на пробный рабочий день?

– С радостью.

– Лучше всего на следующей неделе, – произнес Зеэв и вновь поднял глаза. – На этой записи уже полная, и нам понадобится еще какое-то время, чтобы кое-что тут расчистить и подготовить. Давай ты придешь во вторник. Мы с Кэти покажем тебе, как здесь все устроено.

– А если все хорошо сложится, то сразу набьем тебе первую татуировку, – добавила Кэти.

– Мне... – начала я, однако потом до меня дошло, что она только что сказала, и замерла. – Прости, что?

Зеэв и Кэти серьезно смотрели на меня.

– Не можем же мы поставить на входе человека с такими пустыми руками, как у тебя, – объяснила девушка.

– Я... эмм. Не думаю, что до следующей недели выберу хороший рисунок, – аккуратно ответила я.

Внезапно на губах у Кэти заиграла широкая улыбка. Зеэв лишь покачал головой, не моргнув глазом и не выражая ни одной другой эмоции.

– Ты отпугнешь первую подходящую кандидатку на эту должность, – произнес он низким голосом. – Хочешь подольше поработать на ресепшене?

Кэти застонала:

– Пожалуйста, нет.

– Так я и знал, – сухо откликнулся он.

Она повернулась ко мне:

– Это всего лишь шутка, Эверли.

– Слава богу. Иначе я правда не знаю, что бы делала. Чуть в самом деле не задумалась об этом.

– Видела бы ты свое выражение лица, – усмехнулась Кэти. – Но ладно, значит, встретимся на следующей неделе?

Я кивнула и на прощание пожала руки им обоим.

А выйдя на улицу, подняла лицо к небу и глубоко вздохнула. Пускай мама до сих пор на меня злилась, если я получу эту работу, избавлю ее как минимум от части забот.

Когда вечером я вернулась к себе в квартиру, то собрала все мужество и позвонила домой. Мама не взяла трубку. Я отправила ей сообщение, в котором рассказала про пробный рабочий день, и понадеялась, что она обрадуется. Интерес-

но, она все еще сердится на меня или просто слишком занята сейчас? В конце концов, она уже хотела начать разбирать вещи в доме, а до ноября оставалось не так много времени.

С картонной коробочкой в руках, купленной в моем любимом азиатском ресторанчике за углом, я подошла к фотографии, которая висела на стене в гостиной. На ней был запечатлен момент с одного из моих соревнований вскоре после того, как мне исполнилось пятнадцать. Никто из друзей ее не видел, потому что я никогда не приглашала их к себе домой.

На снимке я стояла вместе с мамой и бабушкой. На мне чирлидерская форма: обтягивающий белый топ с логотипом старшей школы, бордовая юбка с небольшим разрезом, огромный бант на тогда еще длинных волосах и красно-белые помпоны. Бабушка и мама повязали себе на шеи подходящие по цвету к моей форме шарфики и гордо улыбались в камеру, прижимаясь щеками к моему лицу.

Невольно я вспомнила о том, что чувствовала, когда выступала в группе поддержки. Чувство полета, когда тебя подбрасывают в воздух, командный дух, пирамиды. Ощущение, что ты важная, незаменимая часть большого целого.

А потом я вспомнила треск своего сустава. Холодный свет неоновых ламп в больнице.

Я быстро отвела взгляд. Воспоминания были слишком болезненными, и в ту же секунду я задалась вопросом, какого черта вообще решила, что будет хорошей идеей повесить в

квартире именно это фото. Наверное, потому, что считала этот период просто пережитым прошлым. Но если подумать о моей реакции на слова Блейка, то становилось более чем понятно, что это не так.

Дойдя до своего кресла, я упала в него. Посмотрела на старый диван моей бабушки и пожелала, чтобы она оказалась сейчас здесь. Я буквально представила себе, как бы она сидела там с большой чашкой чая в руках, пока я рассказывала ей о том, что со мной происходит. Раньше я всегда могла с ней поговорить. Обо всем. Теперь же для этого «всего» был только Нолан. И тот даже не догадывался, что тексты, которые я присылала ему каждую неделю, – не выдумка.

Я подумала о сегодняшнем утре, о его пылающем взгляде и тоне его голоса. Его фраза была шуткой? Или искры в аудитории существовали только в моей фантазии?

Как будто находясь под давлением чужой воли, я убрала в сторону пустую коробочку и потянулась за ноутбуком. После того как он загрузился, открыла электронную почту. Уставилась на маленькое колесико обновления. Появилось письмо от Доун, в приложении находились первые сто страниц ее нового романа. И ничего от Нолана. Стараясь не особенно обращать внимание на неприятное ощущение в животе, я перетасила файл Доун на рабочий стол. Задумалась, не начать ли сразу читать текст, однако решила оставить его на потом. У меня есть еще куча домашней работы, которую необходимо сделать, в первую очередь – задание по курсу литературы,

который нравился мне меньше всего. Сдавать его предстояло в конце недели, а я и так уже довольно долго откладывала.

Я навела курсор на соответствующий документ, но помедлила и кинула взгляд на иконку «Скайпа» на рабочем столе. У меня зачесались руки от желания выяснить, онлайн ли Нолан и будет ли он вести себя как-то иначе после нашего язвительного диалога. Пару минут я боролась с собой, но так как знала, что все равно не смогу сконцентрироваться на работе, пока не поговорю с ним, в итоге сдалась и открыла программу.

Первое, что я увидела, – это зеленый значок рядом с ником Нолана.

Он здесь.

Быстро прикинув, не написать ли ему, я все же не решилась это сделать. Поэтому опять вернулась к заданию по литературе, чтобы мысленно немного дистанцироваться. Я внимательно прочла требования.

Речь шла о трех разных книгах: автобиографии, романе в письмах и романе, написанном от трех лиц. Следовало сопоставить все стили повествования и сделать вывод, насколько в каждом случае отличается процесс чтения. Благодарная за шанс отвлечься, я приступила к первому тексту и начала разбирать его по частям. Я записывала все, на что обращала внимание во время чтения, а некоторые отрывки пришлось перечитать по два или три раза, чтобы понять их. Иногда на домашнюю работу у меня уходила целая вечность, потому

что на некоторых заданиях голова словно отключалась, и часто требовалось много времени, чтобы осмыслить какие-то вещи. Я уже собиралась с силами перед вторым текстом, как вдруг пришло уведомление от «Скайпа».

Будто на автомате я щелкнула по программе.

NoGa: Я тут задумался, как нам лучше отправлять Доун свой отклик.

Затаив дыхание, я медленно напечатала ответ.

Pengirl: И как же?

Его ответ пришел быстро.

NoGa: Предлагаю нам обоим прочесть первые главы, сделать пометки в тех местах, на которые обратим внимание, а потом все это обсудить, прежде чем снова сотню раз перекидывать файл туда-сюда. Это сэкономит нам немного времени.

Я тяжело сглотнула. Он общался абсолютно нормально. Выходит, его взгляд – просто плод моего воображения. И раз для него все как обычно, то так должно быть и для меня. Другого выбора все равно нет.

Перечитав его сообщение еще раз, я ощутила в животе укол разочарования. Я всегда с нетерпением ждала его писем, а со слов Нолана все выглядело так, будто для него наши долгие разговоры и обсуждения – пустая трата времени. Эта мысль причиняла боль, однако я постаралась взять себя в руки. Нужно читать его сообщение с той же отстраненностью, с какой он его написал.

Pengirl: Конечно, можем так и поступить. И тогда не уьем Доун сотней комментариев.

NoGa: Именно.

Я спросила себя, не закончится ли на этом диалог. Прошла пара минут, в течение которых я боролась с собой. В результате я принялась за второй текст из своего задания, но не смогла сконцентрироваться. Все мои мысли были зациклены на Нолане и его решении сократить наше тестовое чтение. Похоже, он не наслаждался нашими разговорами так, как я. Кроме того, я задумалась, не стоит ли просто начать книгу Доун. Она явно интереснее, чем этот никак не заканчивающийся узкоспециальный текст. Крошечные буквы на экране расплывались у меня перед глазами. Я уже собиралась смириться и отодвинуть от себя ноутбук, как неожиданно вновь мигнул значок «Скайпа».

NoGa: На самом деле у меня целая гора дел, которые надо разобрать до завтра, но рукопись Доун так мне улыбалась, что я просто не смог не заглянуть.

Вновь откинувшись на спинку кресла, я глубоко вздохнула. Затем напечатала ответ.

Pengirl: Это была ошибка. Стоит один раз начать, уже не остановишься.

Pengirl: Я сейчас сама пытаюсь себя пересилить...

NoGa: Она и вправду хороша.

Pengirl: Прекрати.

NoGa: Очень-очень хороша. Отличные герои. История

просто супер. Сюжет достаточно увлекательный.

Pengirl: Нолан...

NoGa: Так много драмы и страданий, обожаю такое.

Pengirl: Ты будешь виноват, если я вовремя не сдам домашнее задание.

NoGa: Точнее, виновата будет Доун. В конце концов, это же она пишет одну книгу за другой.

Pengirl: Опять в точку. Иногда я спрашиваю себя, как ей это удается.

NoGa: Думаю, если есть что-то, к чему ты питаешь настоящую страсть, многие вещи воспринимаешь не только как работу.

Pengirl: У тебя так же?

NoGa: Да, абсолютно. Я люблю свою работу.

Я с трудом сглотнула, подумав о том, что в моем окружении полно людей, которые, кажется, всегда знали, что хотят сделать своей профессией. От этой мысли на сердце стало тяжело.

Возвратилось то чувство с прошлой субботы, когда мы с Ноланом переписывались ночью и обсуждали мою ссору с мамой. Было так приятно довериться ему. И в этот момент у меня возникло ощущение, что мне представился второй шанс. Возможность раскрыться ему в чем-то и взамен получить то же самое, потому что мы находились на одном уровне.

Pengirl: Хотела бы я тоже знать, чем заниматься до конца

жизни.

Нолану потребовалась минута, чтобы ответить. Я представила себе, как он сидел дома и размышлял над моими словами. В итоге он набрал сообщение.

NoGa: Разве ты не упоминала, что вы с мамой хотите открыть литературное агентство?

Я почувствовала, как в горле образуется комок, как и всегда, когда заходил разговор на эту тему.

Pengirl: Да, так и есть. Но если быть откровенной, я не очень-то уверена, действительно ли хочу это затевать. Однако плана Б у меня нет, и из-за этого я впадаю в панику.

NoGa: Ну, когда мне было чуть за двадцать, я тоже не имел ни малейшего представления, что делать со своей жизнью. Это совершенно нормально.

Pengirl: Ты так считаешь?

NoGa: Само собой.

NoGa: Но можно спросить кое-что?

Я уже подозревала, как прозвучит его вопрос, и тем не менее напечатала следующие слова.

Pengirl: Валяй.

NoGa: Почему твоя мама думает, что ты хочешь открыть вместе с ней литературное агентство, если тебе, очевидно, не слишком нравится эта идея?

Вздыхнув, я ощутила покалывание в пальцах, и одновременно с этим в области живота что-то болезненно сжалось. И внезапно это случилось, будто прорвало плотину: правда

попилась сквозь мои пальцы прямым в белое окошко нашего чата.

Pengirl: Я всегда любила литературу. Никогда не возникало сомнений, что однажды я пойду по маминым стопам и тоже стану редактором. Мы так долго вынашивали этот план, что мне даже в голову не приходило пойти на попятный. Но чем ближе окончание университета, тем больше все во мне этому противится... я даже не знаю. Не могу правильно объяснить.

Какое-то время на мое признание не было никакой реакции. Потом Нолан что-то напечатал и остановился. То же самое повторилось несколько раз, прежде чем следующая его фраза появилась у меня на дисплее.

NoGa: Думаю, я понимаю, что ты имеешь в виду.

NoGa: К сожалению, как ни старайся, одним лишь усилием воли других людей не осчастливишь. Тем более если сама будешь страдать от этого.

У меня сжалось горло. Я точно не поняла, как в нашем разговоре произошел такой поворот, но вдруг меня охватили слабость и дрожь. Пальцы осторожно легли на клавиатуру, а затем поле ввода заполнил еще один из моих секретов.

Pengirl: Но моя мама и так уже через многое прошла. Не хочу делать ей еще больнее.

Я закрыла окно программы и только тогда смогла глубоко вдохнуть. От нервов застыли руки. Поверить не могу, что действительно только что призналась в этом Нолану.

Символ «Скайпа» мигнул. Я вновь развернула окно.

NoGa: Жаль это слышать.

NoGa: Это как-то связано с текстами, которые ты пишешь в «Писательской мастерской»?

Мое сердце пропустило удар, а я уставилась на экран. На это я не могла ему ответить. Ни за что не могу рассказать Нолану, что в тех текстах я описывала свое детство.

В отчаянии я соображала, что ответить на его сообщение, и в результате напечатала первое, что пришло в голову.

Pengirl: А может, мне тоже суждено стать литературным агентом и я просто пойму это гораздо позже, кто знает?

Pengirl: Кстати, я теперь начну читать рукопись, а домашнее задание отложу на потом... Спасибо, Нолан.

NoGa: Не за что.

Я сделала глубокий вдох, благодарная за то, что он понял непрозрачный намек и не стал допытываться дальше. Однако это не отменяло того факта, что своим вопросом он выбил меня из колеи.

NoGa: Как думаешь, сколько времени у тебя уйдет, чтобы прочесть первые главы?

Я ненадолго задумалась.

Pengirl: Как пойдет. А что?

NoGa: Просто я сейчас подумал, может, нам встретиться, чтобы вместе обсудить свои записи, когда будем готовы?

У меня участился пульс. После того как Нолан предложил обговорить наши заметки, прежде чем отправлять документ

Доун, меня охватило разочарование. Я боялась, что теперь у меня будет меньше поводов с ним общаться.

Но это оказалось даже лучше наших постоянных переписок.

Нолан хотел встретиться со мной.

Он и я.

Вдвоем.

Не на занятии.

Очень медленно я напечатала ответ.

Pengirl: Да, конечно, давай. Когда ты свободен?

NoGa: Я могу по пятницам и вторникам. В остальные дни у меня занятия и консультации. В эту пятницу, наверное, слишком рано, поэтому, может, во вторник?

Pengirl: Во вторник у меня, к сожалению, не получится, сначала у меня занятия, а потом пробный день на работе.

NoGa: Новая работа?

Я послала смайлик, пожимающий плечами.

Pengirl: Надеюсь. Как выяснилось, найти подработку в Вудсхилле гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд.

NoGa: И где у тебя пробный день?

Pengirl: В новом тату-салоне в конце центральной улицы.

NoGa: Как интересно. Есть еще какие-нибудь таланты, о которых я до сих пор ничего не знаю?

Я улыбнулась.

Pengirl: Я не умею ни рисовать, ни делать татуировки. Это работа на ресепшене. Но все равно пожелай мне удачи.

NoGa: Удача тебе не нужна. Ты в любом случае их всех очаруешь.

Интересно, в курсе ли он, какой хаос породил своими словами? У меня внутри и без того все уже перевернулось с ног на голову. Я аккуратно перевела разговор обратно на нашу встречу.

Pengirl: Мне подошла бы эта пятница. Тогда придется прочитать текст сегодня ночью, но я успею. А ты?

NoGa: Вызов принят. Значит, пятница.

Мы договорились встретиться в кафе на кампусе, где перед его писательским курсом я всегда покупала себе матча латте. После этого мы оба взялись за книгу Доун. И хотя потом каждый из нас писал лишь о том, докуда дочитал, у меня было ощущение, словно этот вечер мы проводили вместе. Мое сердце не прекращало трепетать, даже когда я заснула.

Глава 7

Закрыв зонтик, я слегка одернула подол своего платья. Пришлось спешить, потому что я три раза переодевалась, хотя в итоге вернулась к своему изначальному выбору: черное вельветовое платье-комбинезон поверх кремово-белого вязаного свитера, колготы и ботинки. Осень я любила по множеству причин, но возможность носить пушистые свитера и удобные колготки определенно стояла на первом месте.

Когда я переступила порог кафе, раздался негромкий перезвон колокольчиков. Я быстро окинула взглядом зал, однако Нолана нигде не было видно. Застыв в нерешительности, я думала, заказать ли себе напиток сразу или поискать свободный стол, как вдруг почувствовала покалывание в затылке.

– Эверли.

Я повернулась и увидела шагающего ко мне Нолана. Его улыбка казалась такой теплой, что холод этого дня от меня буквально отскочил. Даже промокшие ноги на мгновение были забыты.

– Привет, – сказала я, все еще запыхавшаяся после того, как бежала от своей квартиры.

Нолан подошел ко мне и кивком указал в глубь зала.

– Я уже зарезервировал нам столик. Сегодня тут довольно много народу.

– Супер. – Пропустив его вперед, я тщательно следила за тем, как переставляю ноги, чтобы не поскользнуться на мокром полу. Не хотелось упасть и опозориться перед Ноланом.

– Пришли, – произнес он и показал мне столик на двоих, на котором уже лежали блокнот и ноутбук. Он был маленьким и находился в дальней части кафе, где на всю длину стены тянулась скамья с мягким сиденьем.

– Где хочешь сесть? – спросил он.

– На скамейке, если ты не против.

Нолан кивнул, и я заставила себя оторвать от него взгляд. Надо сосредоточиться. Это не свидание – мы встретились, чтобы обсудить рукопись Доун и избавить ее от необходимости пробиваться через сотни комментариев своих бета-ридеров. Нет вообще никаких причин нервничать.

Кроме того, в университете не было ничего необычного в том, чтобы встречаться с преподавателем вне лекций. Доун уже ходила сюда с Ноланом поболтать о писательстве и книгах, другие научные сотрудники университета тоже лично занимались какими-то делами со студентами. Ничего необычного.

Ничего необычного, – мысленно повторяла я.

– Похоже, ты уже продуктивно поработал, – заметила я, кивнув на его записи, и сняла куртку.

– Немного, – откликнулся он. – Что будешь пить? Горячий шоколад?

– Я бы взяла матча латте. – Я как раз собиралась вытащить

кошелек, но он отмахнулся.

– Сейчас вернусь.

Нолан направился обратно к прилавку и сделал заказ. Со своего места я наблюдала, как к нему подошли двое студентов и заговорили. Нолан просиял и повернулся к ним. Они болтали, пока готовился заказ. Одна студентка из этих двоих положила ладонь ему на руку и рассмеялась. У меня в животе зародилось какое-то непонятное чувство, которое я игнорировала изо всех сил.

Нолан один из самых открытых людей, которых я когда-либо знала. Когда он общался с кем-то, то уделял этому человеку все свое внимание – как будто в мире больше никого не существовало, а сказанное имело для него высочайшую значимость, даже если речь шла просто о погоде. Он всегда улыбался, и я еще никогда не видела, чтобы у него хоть раз не нашлось времени, когда к нему кто-нибудь подходил.

Блейк рассказывал мне, что в прошлом семестре обратился за помощью к Нолану, так как не знал, как уделять время и тренировкам, и предстоящим экзаменам. Нолан встретился с ним после этого и не только успокоил его панику, но и составил учебный план, благодаря которому Блейк смог постепенно прорабатывать материал своих предметов. Нолан отзывчив, добр и всегда готов всех выслушать.

Так что в этой ситуации не было ничего удивительного. И уж тем более не стоило пялиться на студентку, ладонь которой до сих пор находилась на руке Нолана.

Я отвела взгляд от них троих и достала из сумки свои записи. Чуть ли не через силу сконцентрировалась на том, чтобы аккуратно разложить все перед собой на столе. Через пару минут Нолан вернулся с нашими напитками. Осторожно поставив их в центр крохотного столика, он сел напротив меня.

Теперь я больше не могла на него *не* смотреть. Он смахнул упавшую на лицо прядь, и мой взгляд задержался на его светло-русых волосах. Интересно, каково было бы пропустить их между пальцами...

От этой мысли щеки у меня словно вспыхнули огнем.

Нет. Невозможно. Абсолютно невозможно.

Я потянулась за своим ноутбуком, но практически сразу замерла на середине движения – для него на столе уже не было места.

– Как считаешь, нам нужно два ноутбука? – спросила я.

Нолан покачал головой:

– Думаю, нет. Можем сперва пробежаться по нашим записям, а если захотим заглянуть в рукопись, я ее уже открыл. – Он кивнул на свой MacBook, за который я бы отдала левую руку. Мой ноутбук перешел мне по наследству от мамы, когда ей на работе выдали новый.

– Идет, – согласилась я.

Нолан открыл свой блокнот и начал пролистывать его, задумчиво нахмутив брови. Максимально незаметно я попыталась рассмотреть, какую футболку он надел сегодня... и с удивлением обнаружила, что под кардиганом грубой вязки

на нем была темно-синяя рубашка. У меня не получилось вспомнить ни единого раза, когда бы я видела его одетым вот так. И этот вид понравился мне больше, чем должен.

Нолан заметил мой взгляд и опустил глаза вниз, словно ожидая увидеть на рубашке крошки или пятно. Не заметив ничего такого, он снова взглянул на меня. Потом на его лице отразилось понимание.

– Отсюда я сразу поеду на день рождения к родителям, – сказал он.

– А я-то подумала, что ты ради меня нарядился, – ответила я.

Нолан изумленно моргнул, но затем тихо рассмеялся:

– Рад, что хотя бы ты замечаешь, как я старался. Уже слышу вздох отца, потому что надел только рубашку, а не костюм полностью.

– Это юбилей?

– Они празднуют свои девяносто лет.

У меня открылся и снова закрылся рот. Если родителям Нолана девяносто, то...

– О, в смысле, на двоих. Моим родителям в этом году обоим исполнилось по сорок пять лет, и они отмечают вместе, потому что дни рождения у них на одной неделе. Они всегда так делают, – пояснил он.

Значит, его родители моложе моей мамы. Я попробовала подсчитать в уме.

– Прости, но... а сколько тебе сейчас лет?

Нолан ухмыльнулся:

– Двадцать восемь. Я удивил родителей своим появлением в их последний год в старшей школе.

– Какой приятный сюрприз, – произнесла я.

– Полагаю, не эти слова тогда сказала моя мама, пускай сейчас она упорно утверждает обратное.

Я подумала о Саре, девчонке из моей бывшей команды по чирлидингу. Она тоже забеременела и несколько недель не знала, что делать.

– Наверняка они прекрасные люди, раз справились с этим, – осторожно ответила я.

Нолан кивнул:

– Они лучше всех. Я люблю своих родителей больше всего на свете.

Его страстные слова меня обезоружили. Я не рассчитывала, что наша встреча начнется так. Сидеть напротив него и смотреть ему в глаза, в то время как он рассказывает мне что-то настолько личное, – это совершенно не то же самое, как говорить с ним об этом в Сети. Мне нравилось чувство, которое пробуждали во мне его слова.

Мне хочется узнать больше, – подумала я. – Намного больше.

– Классный подарок приготовил? – спросила я.

– Хочешь посмотреть?

Я быстро кивнула.

Нолан поднял свою сумку и достал оттуда конверт, объяв-

занный большим бантом. Он протянул его мне, чтобы я увидела наклейку, которой была закреплена лента.

– «Прыжки с парашютом от Дженкинса», – прочла я вслух. Потом взглянула на Нолана, расширив глаза. – Ты по-даришь родителям прыжок с парашютом?

Он кивнул:

– Мама всегда хотела это сделать. Мне просто пришло в голову, что девяносто – подходящий возраст.

Засмеявшись, я отдала ему конверт.

– Уверена, они оба обрадуются.

– Насчет папы я бы не был так уверен. Он никогда не страдал от адреналиновой зависимости, но мне кажется, ради мамы он согласится. А еще я подумал, что если мы сделаем это вдвоем, то он вообще не сможет отказать. Я уже даже время согласовал.

– То есть выбора у него нет.

Нолан усмехнулся:

– Точно.

Он выглядел так, будто собирался еще что-то добавить, но потом закрыл рот. На долю секунды слегка наморщил лоб, после чего на его лицо возвратилось дружелюбное выражение, которое после почти года писательского курса стало мне уже более чем знакомо.

– Думаю, нам пора начинать, – сказал он.

Я ощутила где-то в области живота укол разочарования, но в то же время как будто бы поняла, что сейчас произошло.

Именно так я чувствовала себя каждый раз, когда была готова рассказать Нолану что-то личное о себе и в последний момент передумывала. Мы словно оба иногда не осознавали, где проходит граница между нами, и останавливались. Прогноировав свое разочарование, я вцепилась в стакан, который принес Нолан.

– Итак, – произнес он и взял свои записи. Пробежал по ним глазами, снова отложил, а потом облокотился обеими руками о стол, чтобы посмотреть на меня. – Как тебе первые главы «Рядом со мной»?

– На самом деле я надеялась, что ты начнешь, – призналась я.

На это Нолан лишь слегка улыбнулся, однако поделиться со мной своим мнением явно не собирался. Так что я бросила взгляд в свои заметки.

– Они мне... – заговорила я и попыталась подобрать правильные слова, невзирая на то, что написала их бесчисленное множество.

– Да?

Я расставляла мысли по полочкам. Письменно и через функцию рецензирования в «Word» это однозначно проще, чем сидя непосредственно перед Ноланом.

– Они мне очень понравились, – озвучила я в конце концов.

– Не верю, что ты только что задумалась практически на целую минуту, чтобы сказать только это, – откликнулся Но-

лан.

Я кинула в него салфеткой, которую он поймал на лету и аккуратно сложил около своего стаканчика.

– Поделись со мной своими мыслями, Эверли.

У меня в голове возник вопрос, заметил ли он, как это прозвучало. И увидел ли, как у меня перехватило дыхание.

Откашлявшись, я еще раз посмотрела на свои записи и собралась.

– Мне понравилось, что это история не о тех же главных героях, а о второстепенных персонажах из первой части. Брат Тристана еще тогда мне импонировал, поэтому я очень обрадовалась, что могу теперь заглянуть к нему в голову. Кроме того, он... – Я на секунду замолчала. – Кроме того, он гораздо круче, чем Тристан.

– Почему? – спросил Нолан абсолютно нейтральным тоном.

Я пожала плечами:

– Тристан был вспыльчивым, не мог не совать свой нос во все подряд и делал все, чтобы люди вокруг считали его классным. Картер же его полная противоположность. Мне нравится его мягкость и то, как самоотверженно он повел себя по отношению к Линн. Хотя в этом Доун, по-моему, перегнула палку в паре эпизодов.

– Где, например?

Поведя плечом, я теребила в пальцах уголок страницы своих заметок. Чуть-чуть скрутила листок и опять разверну-

ла.

– Например, когда Картер несет Линн в больницу на руках. Мне кажется, это совсем нереалистично. И не очень-то рационально.

– Не рационально?

Я подняла глаза и внимательно посмотрела на Нолана. Сейчас он уже не улыбался, но уголки его рта еле заметно подрагивали.

– Ты задаешь только встречные вопросы, Нолан. Я не так себе это представляла.

– Ты нетерпеливая.

– А ты в данный момент не мой преподаватель, а мой коллега, бета-ридер, – парировала я.

Он моргнул. Потом опустил взгляд на свой блокнот и снова посмотрел на меня.

– Ты права. Я просто хотел понять, как ты восприняла этот текст. Извини.

Сделав глубокий вдох, я глотнула матча латте. Стакан согрел мои замерзшие от волнения ладони.

– Я думаю, что Картер мог бы отвезти ее в больницу вместо того, чтобы нести на руках.

– Я бы тоже понес свою девушку в больницу, если бы моя машина стояла слишком далеко.

– Серьезно? – нахмутив лоб, спросила я.

– Конечно. А ты бы предпочла, чтобы тебя сначала долго несли до машины и только потом отвезли в больницу?

Я попробовала вообразить, как какой-то парень несет меня на руках под дождем, и, не сдержавшись, фыркнула. Картинка получилась уж слишком дурацкой.

– Сомневаюсь, что кто-то, если он не бодибилдер или типа того, вообще смог бы так долго меня нести. Как насчет самого очевидного решения?

Нолан изогнул бровь:

– Во-первых, я точно смог бы пронести тебя пару миль, если бы до этого дошло, хотя я не бодибилдер.

Пока Картер в «Рядом со мной» нес Линн в больницу, сама она в полубреду любовалась игрой его мышц и тонкой пленкой пота, выступившей на лице. Как правило, такие сцены вызывали у меня смех. Однако теперь, представив в этой роли Нолана, я почувствовала, как у меня пересохло в горле. Пришлось поставить стакан, потому что внезапно мне стало чересчур жарко.

– Во-вторых, какое самое очевидное решение? – невозмутимо продолжил он, заставив образы у меня в голове лопнуть, как мыльные пузыри.

Я мгновенно вернулась в реальность и серьезно ответила на его взгляд.

– «Скорая помощь».

Нолан недоуменно моргнул, словно ослышался. Затем громко рассмеялся.

– А что?

Он скрестил руки перед грудью.

– И в чем же будет драма со «Скорой помощью»? Или романтика? Так Картер показывает, что он готов все отдать ради Линн. Я могу понять, почему Доун выбрала такой вариант.

– И снова этот пункт, о котором мы с тобой можем спорить часами.

– Для этого мы и здесь, – усмехнулся Нолан.

– Ладно. Но есть сотня других способов, как сделать эту сцену романтической. Помимо прочего, все это происходит на восьмидесятой странице, если я не ошибаюсь. Не рановато ли для такой драмы? Ты ведь сам постоянно твердишь нам о графиках напряженности сюжета – даже сравнивал их с кардиограммой! Кривая должна колебаться, но вначале не слишком сильно, чтобы сюжет оставался реалистичным. Это твои слова.

Нолан в этот момент потянулся за своим кофе, но замер.

– Я должен чувствовать себя польщенным, ты так внимательно меня слушала.

– Это не я внимательно слушала, а ты просто очень громко говорил, – отозвалась я.

Он ответил на мою ухмылку.

– О'кей, очко в твою пользу.

Довольная, я облокотилась на спинку сиденья.

– Твоя очередь.

Нолан поднял стаканчик с кофе, и у него на лице появилось задумчивое выражение.

– Иногда мне хочется, чтобы Доун отважилась на нечто большее.

– Где, например? – повторила я вопрос, который ранее задавал мне он.

Нолан откинулся назад:

– Я настоящий фанат писательского стиля Доун, и первые главы, по-моему, просто потрясающие. Но я ожидал, что она попробует что-нибудь новое. А вместо этого обнаружил много сюжетных элементов, схожих с теми, которые уже видел в «О нас».

На мгновение я задумалась.

– Но это же продолжение.

– Само собой, да, но это не значит, что нельзя рискнуть и сделать что-то новое. Только так можно вырасти как автор. К тому же как раз во втором томе становится еще важнее удивить читателя. Именно потому, что мир, в котором мы там находимся, – он указал на рукопись на своем ноутбуке, – нам уже знаком.

Посмотрев еще раз на свои записи, я рассеянно кивнула:

– Верно. Хотя книги похожи, здесь мне немного не хватало глубины чувств из первой части. В «О нас» я так страдала вместе с героями с самой первой страницы!

Нолан кивнул:

– Это я тоже внес в заметки. В конце «О нас» у меня были слезы на глазах. А здесь я пока не на сто процентов уверен относительно эмоций.

Меня всегда поражало, что Нолан настолько откровенно говорил о чувствах, которые вызывала у него литература. На занятиях он всегда совершенно открыто рассказывал об этом, если какой-то определенный текст задевал его за живое, и побуждал нас делать то же самое. Порой я мечтала уметь так же свободно обсуждать то, что меня тронуло.

– С другой стороны, это только первые сто страниц. Велик шанс, что ты опять будешь плакать, – заметила я.

Один уголок рта у него изогнулся вверх.

– Плакать во время чтения – одно из самых прекрасных чувств в мире.

– Звучит как слоган, который тебе срочно нужно напечатать на футболке.

– Вообще-то я планировал сегодня надеть футболку с зонтиком, пока родители не сообщили, что праздник будет грандиозным и шикарным.

Когда он говорил о родителях, в его голосе появлялись мягкость и теплота. Никогда еще я не слышала, чтобы он отзывался о ком-то или чем-то с такой любовью. И это напомнило мне о нашем разговоре в среду, когда я обсуждала с ним свое будущее и маму.

– Нолан? – нерешительно спросила я.

– Мм?

Я прочистила горло и уткнулась взглядом в свой стакан, чтобы не смотреть ему в глаза.

– То, что я рассказала тебе о маме... об этом никто не

должен знать. Даже Доун. В смысле, я ей доверяю, но мне...

Прежде чем я договорила, Нолан накрыл мою ладонь своей.

Когда он прикоснулся ко мне, тело словно пронзило чистым электричеством. Сердце на секунду остановилось, чтобы в следующий миг забиться намного быстрее. Я вновь подняла голову и встретилась со взглядом его темно-серых глаз. Таким же теплым, как ощущение его руки на моей.

– Я никогда не обману твое доверие, Эверли, – прошептал он.

– На самом деле я ни с кем не говорю об этих вещах. – Я хотела сказать больше, но он качнул головой.

– Не нужно мне ничего объяснять, я уже понял.

Тянулись секунды... но ладонь Нолана все так же лежала на моей руке. И взгляд от меня он тоже не отводил. Мое сердце стучало еще быстрее, чем когда мы переписывались по ночам, но это была та же магия, которая и сейчас, похоже, овладела моим телом. Большой палец шевельнулся будто сам по себе, совсем чуть-чуть. Я провела им вдоль его мизинца.

Это оказалось волнительно. Чувства лучше я не испытывала никогда в жизни. Внутри меня все закружилось, мысли переворачивались, а в животе затрепетали бабочки. В этот миг Нолан опустил глаза на наши ладони. Задержал дыхание.

Затем убрал руку.

На меня он не смотрел, а сосредоточился на листках, разложенных перед ним на столе. Нервными движениями со-

брал их в неаккуратную стопку, в результате чего пара страниц улетела на пол. Нолан тихо выругался и нагнулся, чтобы их подобрать.

С колотящимся сердцем я ему помогла. А когда снова выпрямилась и протянула ему листы, Нолан до сих пор избегал моего взгляда. Он кашлянул и потянулся рукой к своему воротнику, как будто тот его душил, в то время как у меня все сильнее горели щеки. Я никогда раньше не видела его в такой растерянности, и меня пугал этот вид.

– Мне нужно еще что-нибудь выпить, – неожиданно произнес Нолан и встал. – Скоро вернусь.

Прежде чем я успела что-то сказать, он развернулся и ушел к прилавку. Я смотрела ему вслед. И с каждым его шагом все четче осознавала, что только что мы пересекли границу.

Глава 8

– Ты точно уверена? – спросила Кэти и уже в который раз за этот день покосилась на мои чистые руки. – Даже маленькую бабочку?

Я сморщила нос:

– Не могу себе представить худшего рисунка для первой татуировки.

– Эй! – возмущенно воскликнула она, вытянув в мою сторону кулак. На тыльной стороне ладони красовалась большая бабочка, потрясающе прорисованная до мельчайших деталей. Она выглядела такой настоящей, что казалось, будто она вот-вот сорвется с ее руки и улетит.

К тому моменту я уже кое-что узнала о Кэти. Дочь ямайца и англичанки, она родилась в Лондоне, где и жила до семи лет. После этого переехала с родителями в Орегон и провела там остаток детства и юность. Первую татуировку набила в семнадцать лет без ведома родителей. Это привело к крупной ссоре, от которой они до сих пор до конца не отошли прежде всего потому, что Кэти стала татуировщицей вместо того, чтобы пойти учиться.

Три часа – это целая куча времени, чтобы узнать что-то о человеке. И слава богу, рассказы Кэти отвлекали меня от того, о чем я без перерыва думала с пятницы: от нашей с Ноланом встречи.

Когда он вернулся за наш столик, мы продолжили обсуждать роман Доун, будто ничего не случилось, хотя я ясно ощущала, что он выстроил перед собой стену. Мне ничего не оставалось, кроме как винить себя. Да, он первый взял меня за руку и был инициатором прикосновения... Я сделала бы то же самое с Блейком или Доун, если бы мы разделили настолько личный момент. Это ничего не значило. То, что я так странно ответила на его касание, было идиотским поступком и поставило Нолана в неудобное положение.

Не единожды за выходные я сверлила взглядом раскрытый ноутбук и задавалась вопросом, не написать ли ему. Мне хотелось восстановить баланс в наших отношениях и не допустить, чтобы все наши встречи с этого момента проходили так же неловко, как в прошлую пятницу. Однако я понятия не имела, что сказать, чтобы разрядить обстановку, или как в принципе завести эту тему. Нолан, в свою очередь, более чем ясно дал понять, что предпочел бы игнорировать произошедшее.

Внезапно я заметила на себе взгляд Кэти. Видимо, она ждала ответа.

– Конечно, у тебя очень красивая бабочка, – быстро произнесла я, изо всех сил отгоняя мысли о Нолане. – Просто я не думаю, что мне это подходит.

Она подперла подбородок рукой и надула губы. Она буквально *надула губы*.

– Если ты подберешь что-нибудь, то обязана прийти ко

мне. Ты должна мне это за то, как хорошо я ввела тебя в курс дела.

Я посмотрела на нее, приподняв бровь. Ровно десять минут Кэти показывала мне, как работает система записи *Get Inked*. Все остальное время она рассказывала о своей жизни, своих татуировках и показывала свои «хотелки» – эскизы, которые она нарисовала и только собиралась наколоть, – и в конце концов переключилась на осмотр моего тела на предмет потенциальных мест, где можно сделать тату, чтобы моя мама не заметила их с первого взгляда. В этом она была профи.

– У каждого ведь есть что-то, чем он восхищается, – заявила Кэти.

– Да, но «что-то» и есть просто «что-то», а не рисунок, который я хотела бы носить на своем теле всю оставшуюся жизнь. Если рассуждать как ты, то я могла бы набить себе тату с плиткой шоколада. Или сыр.

Она вздохнула:

– Всегда хотела сделать татуировку в виде сыра.

Я взглянула на нее, задаваясь вопросом, не разыгрывает ли она меня. Лишь когда Кэти ухмыльнулась, я позволила себе расхохотаться, а она присоединилась.

– Поверить не могу, что чуть на это не купилась.

– Видела бы ты свое лицо. – Она смахнула слезу из уголка глаза. – Значит, кусок сыра.

– Пожалуйста, нет. Тогда мои друзья решат, что я спятила.

Кэти повела плечом:

– Почему это? Кусок сыра может означать каникулы в Швейцарских Альпах с бабушкой и дедушкой, где каждый раз на завтрак, обед и ужин подавали сыр, по которому вы все с ума сходили.

Я задумчиво кивнула:

– И снова в точку.

– Правило номер три в *Get Inked*: «Никогда не осуждай того, кто сделал себе тату с куском сыра», – почти торжественно объявила Кэти.

Я усмехнулась. Правило номер один гласило, что у каждого, кто входит в салон, нужно проверить документы, а следовательно, и возраст. Правило номер два – никогда не подтверждать по телефону рисунок, который предварительно не одобрили Кэти или Зеэв.

– Думаю, правило номер три я никогда не забуду, – сказала я.

– Какое правило? – спросил Зеэв, выходя из процедурного кабинета в холл. Сегодня он был одет в свободную черную майку, вырез которой приоткрывал часть его груди. Я заметила очертания большой птицы, однако быстро отвела взгляд и вместо этого уставилась в брошюры на стойке администратора.

– Никогда не осуждай людей с сырными татуировками, – ответила Кэти.

Зеэв издал фыркающий звук, который, очевидно, служил

чем-то вроде смеха.

– Я набивал и гораздо более странные вещи.

– Расскажи Эверли про газонокосилку! – оживившись, воскликнула Кэти.

Я с любопытством переводила взгляд между ними. Зеэв подошел к маленькому золотому столику рядом со стойкой, взял себе стакан и поднес его к кулеру, за который теперь – если они меня наймут – буду ответственна я.

Залпом опустошив стакан, Зеэв неторопливо вернулся к нам.

– Как-то я набил одному шестидесятилетнему мужику газонокосилку в память о его черепахе.

– В память о его... – начала я, но прервалась и поморщилась, когда меня осенило, что, судя по всему, крылось за этой историей. – О нет.

– О да, – ответил Зеэв.

– Расскажи ей подробности. О черепаших ошметках, я имею в виду.

Зеэв выглядел абсолютно невозмутимым, и его, похоже, не заразил нездоровый энтузиазм Кэти.

– Он был сам не свой, совершенно подавлен. Так что я постарался изобразить самый красивый из когда-либо существовавших газонокосилко-черепаховых рисунков.

– И сделал это просто потрясно, – добавила Кэти, дружелюбно хлопнув Зеэва по плечу.

В первый раз с тех пор, как пришла сюда, я заметила про-

блеск эмоций в глазах Зеэва. Они появились всего на мгновение, а затем выражение его лица вновь окаменело.

– Я закончил, – обратился он ко мне и приглашающе кивнул в сторону процедурного кабинета. После того как полчаса назад ушел последний клиент, Зеэв сказал, что проведет мне небольшую экскурсию, когда приберется. – Можем идти.

Кивнув, я последовала за ним.

Помещение оказалось гигантским и было разделено на две зоны. Разграничивала их белая перегородка. Оборудование на обеих сторонах стояло одинаковое: большое кресло-кушетка, высоту которого можно регулировать, рядом табурет с мягким сиденьем и разными рычажками и тату-машинка. Мне бросилось в глаза, что освещение здесь гораздо ярче, а пол более гладкий, чем в холле.

– Не знаю, что тебе уже успела рассказать Кэти, но самое важное в студии – это абсолютная чистота, – начал Зеэв.

Дома я уже поискала кое-какую информацию и откашлялась.

– Чтобы микробы не попали в кровь клиентов.

Зеэв кивнул и покосился на меня. Он всегда выглядел одинаково, поэтому разобраться в его чувствах и мыслях было невозможно. Однако мне все равно хотелось показать, насколько я изучила тему.

– Тут хранятся материалы, – пояснил он и направился вместе со мной к левой части комнаты. На некотором рас-

стоянии от кушеток располагались раковина и встроенный в стену стеллаж, который тянулся по всей длине кабинета. Зеэв показывал мне разные иглы, краски и остальные инструменты и объяснял, что и для чего использует. – Помимо работы татуировщиком, у меня здесь есть и другие обязанности. Например, мне нужно вести бухгалтерию, еще я как можно чаще посещаю тренинги и курсы повышения квалификации, чтобы быть в курсе всех новых тенденций. А большую часть времени я провожу, консультируя клиентов.

Мне вспомнилась история с газонокосилкой. Хотя Кэти рассказала ее, просто чтобы мы немного посмеялись, я смогла себе представить, как сложно создать что-то на память для настолько расстроенного человека.

– А бывают посетители, которым ты ничего не колешь? – поинтересовалась я.

Зеэв кивнул:

– Каждый раз мы сначала должны убедиться, совпадает ли видение клиента с нашим. Иногда люди просто вбивают себе в голову что-то нереальное. Многие вещи не всегда можно воплотить так, как они того желают. Это означает, что часто мне приходится отказываться от заказов.

– Представляю себе, как это сложно, особенно поначалу. Все-таки вы, наверное, много вложили в этот салон.

– Конечно, но в конечном счете это определенно лучший вариант. Мы здесь все делаем с чистой совестью и так приобретаем известность.

– Я видела, что на ближайшие четыре недели у вас практически полная запись. Это ведь хороший старт, не так ли? – спросила я.

Зеэв с сомнением пробурчал:

– Могло быть и лучше. – Потом скрестил руки на груди и пристально посмотрел на меня: – Ты действительно хочешь получить эту работу, да?

– Да, – без промедления ответила я.

Он кивнул:

– О'кей.

Я моргнула:

– О'кей – «должность моя» или о'кей – «уйди отсюда»?

– О'кей, должность твоя. И уходить ты тоже можешь, мы уже закрываемся.

Я вздрогнула, когда позади меня кто-то взвизгнул, и обернулась. Кэти просунула голову из-за двери и широко улыбалась Зеэву.

– Прекрасное решение, босс.

Тот проигнорировал ее и вместо этого сказал мне:

– На днях подготовим твой контракт.

– Я рада, большое спасибо.

Он кивнул.

– А теперь кыш. Обе.

Когда тем вечером я позвонила маме, она взяла трубку сразу после первого же гудка.

– Алло?

– Мам, это я. – От напряжения я крепко стиснула пальцами подлокотник кресла.

На мое сообщение, в котором я рассказала ей о пробном рабочем дне, она ответила коротко – пожелала мне удачи, в итоге с позапрошлого воскресенья мы так и не разговаривали.

– Прости, что я тебе до сих пор не перезвонила, родная, – сказала мама и вздохнула. – В издательстве столько всего происходит. Теперь мне нужно выполнять ту же работу, но за меньшее количество часов. Ты наверняка можешь себе представить, каково это.

У меня свалился огромный камень с души, когда я услышала, что ее голос звучал совершенно нормально – разве что немного устало.

– Это выматывает, не сомневаюсь. Так и раньше-то было, – откликнулась я.

– Еще как. Ну да ладно, не важно. Расскажи мне о своем пробном дне. Как все прошло? А главное, где? Твое сообщение было таким загадочным.

– Хорошая новость: я получила работу.

– А что, есть еще и плохая новость? – спросила мама.

Я набрала полную грудь воздуха.

– Это подработка в тату-салоне.

Пару секунд она молчала.

– Но это же не значит, что теперь ты сделаешь татуировку,

правда?

– У меня уже полруки забито, – пошутила я.

– Эверли!

– Нет, естественно, я не буду делать тату.

Хотя могла бы, если бы захотела, – с упрямством подумала я.

– Слава богу.

Меня разозлила ее реакция. Однако после нашей ссоры я собиралась сделать все, чтобы по максимуму сгладить углы. Мне не хватало наших телефонных разговоров.

– Рабочий график отличный, оплата честная, а коллеги приятные.

– Хорошо. Звучит здорово. Рада за тебя. Seriously.

Я ослабила хватку на подлокотнике кресла и попыталась расслабиться.

Мама, похоже, возилась на кухне – я слышала стук открывающихся и закрывающихся шкафчиков и звон посуды. Хотелось бы мне просто приехать к ней, сесть вместе за кухонным столом и всю ночь болтать обо всем на свете, как мы делали раньше.

– Ты знала, что Доун пишет новую книгу? – спросила я и подтянула ноги на кресло.

– Стенли говорил! Ты уже ее читала?

– Первые сто страниц. Парочка замечаний у меня есть, но я уже с нетерпением жду следующие главы, – вкратце рассказала я.

И вновь вспомнила о Нолане. Я объединила наши с ним комментарии для Доун и отправила ей по электронной почте, так как он после празднования дней рождения проводил выходные с родителями. Его адрес я добавила в копию письма, однако с той нашей встречи в кафе он не давал о себе знать. У меня руки чесались от желания проверить, в «Скайпе» ли он, после того как четыре дня мне не хватало смелости открыть программу.

Недолго думая, я подхватила ноутбук со стола, положила на подлокотник кресла и подняла крышку.

– По-моему, замечательно, что вы двое так поладили. О большем мы со Стенли и мечтать не могли, – произнесла мама и начала рассказывать об их прогрессе в уборке и перестановках в доме.

Я навела курсор на иконку «Скайпа» и замерла. Понятия не имею, как я завтра покажусь на глаза Нолану на «Писательской мастерской», если до этого еще раз с ним не поговорю.

Не теряя больше времени, я открыла программу.

Зеленый. Это первое, что я увидела. Нолан онлайн.

Практически неосознанно я кликнула на его имя. Всплыло окошко чата. Но через пару секунд маленький зеленый кружочек возле ника Нолана исчез.

Странно. Он вышел из Сети ровно в тот момент, когда я вошла.

– С радостью помогу, – отстраненно ответила я на мамин

вопрос, смогу ли я приехать к ней в следующий выходной.

Я перевела свой статус на «невидимку».

Минуты не прошло, как аватар Нолана опять загорелся зеленым. Я тоже снова переключилась на зеленый. Он вновь ушел в офлайн.

Меня бросило одновременно в жар и в холод. В следующий миг я захлопнула ноутбук, положила его обратно на стол и с прижатым к уху телефоном направилась в спальню. Из всех сил я старалась сосредоточиться на голосе мамы. Она рассказывала, что нашла мои старые детские фотографии, которые собиралась обязательно прислать мне после того, как мы договорим. Я воспринимала все это лишь краем сознания.

Мои мысли крутились вокруг Нолана и прошлой пятницы. Того мгновения, когда он накрыл мою руку своей. Мгновения, когда я балансировала на границе между нами... и поэтому сейчас могла сорваться в пропасть.

– Эверли? – позвала мама тихо, но настойчиво, тем самым выдергивая меня из трясины размышлений.

– Да, мам?

– Я тебя люблю, ты же знаешь, правда?

Мои напряженные плечи немного расслабились, и, хотя в данный момент я была очень расстроена, все равно сумела улыбнуться.

– И я тебя люблю, мам. Извини за тот день.

– Конечно. Мне просто хотелось бы, чтобы ты дала Стенли

шанс и чуть-чуть больше мне доверяла.

Я чувствовала себя так, словно меня кто-то с силой встряхнул. Я думала о том, что Нолан совершенно очевидно не хотел со мной контактировать, о Стенли, который скоро поселится в доме, где я выросла, и о том, что это будет означать для нас с мамой.

– Попробую, – пробормотала я и сдавила двумя пальцами переносицу. Во лбу появилась пульсирующая боль, которая с каждой минутой становилась сильнее.

– Спасибо, родная.

Мы положили трубки, и еще какое-то время я просто пялилась на темную комнату. Оглянулась на гостиную, где на моем импровизированном столике лежал ноутбук и буквально издевался надо мной. Мобильник завибрировал, и снимки, которые пообещала мне мама, начали приходить один за другим. Я открыла их и просмотрела каждый по очереди. Хотя маме они очень нравились, я могла думать лишь о том, как в детстве была похожа на отца. И как сильно всегда ненавидела этот факт.

Кинув телефон на кровать, я сделала два широких шага к шкафу. Невзирая на то, что уже стемнело, надела легинсы для бега и такую же кофту со светоотражателями. Потом схватила ключ, сунула ноги в кроссовки и чуть ли не бегом вышла из дома.

Кроме как до смерти вымотать себя бегом, сейчас не существовало ни одного способа заглушить мои мысли. Так

что я побежала в темноту.

Глава 9

Я была полностью истощена. Так плохо я уже давно не спала – если мое ворочание с боку на бок вообще можно назвать сном. Пару секунд я взвешивала мысль просто остаться лежать и прогулять университет. Опять же, это избавило бы меня от необходимости видаться с Ноланом. Я совсем не знала, как себя вести и что говорить. С другой стороны, тогда мне не представится возможности выяснить, как обстоят дела между нами и намеренно ли он избегал меня в «Скайпе». Мне необходимо знать, что я могу сделать, чтобы наши отношения снова стали нормальными.

Поэтому я заставила себя встать с постели, приготовила чай матча и, как и каждую среду, отправилась в университет намного раньше, чем нужно. Подойдя к аудитории, проверила, не сполз ли мой бежевый берет. Я закрепила его на волосах двумя заколками-невидимками, чтобы ветер все не испортил и не унес его летать по кампусу. Затем я прочистила горло, взялась за дверную ручку, повернула... и встретила сопротивление. Еще раз попробовала повернуть ручку, однако ничего не произошло.

Дверь была заперта.

Отпустив ручку, я развернулась, чтобы прислониться спиной к двери.

Я ходила на курс Нолана с января и с самого первого дня

приходила заранее. Сначала из страха, что мне достанется плохое место, а потом ради того, чтобы поболтать с Ноланом.

Никогда еще дверь не была закрыта.

Мысли путались. Сперва я подумала, что Нолан, возможно, заболел, но тогда он бы точно отправил всем студентам имейл. А потом вспомнила про вчерашний вечер, когда он вышел из Сети сразу после того, как я открыла «Скайп».

– Привет! – раздался знакомый голос, и меня накрыла такая волна облегчения, что я чуть не выронила свой стаканчик. Я подняла глаза... однако это Блейк шел навстречу мне по коридору, а не Нолан. Облегчение схлынуло так же быстро, как появилось.

– Привет, Блейк, – буркнула я.

Он остановился передо мной и, наморщив лоб, кивнул на дверь.

– Почему ты не заходишь?

– Нолана еще нет.

– Что? – спросил он и все равно подергал ручку. Затем удивленно посмотрел на меня: – А я почему-то думал, что он живет в этом кабинете.

Я сделала глоток матчи. Пить чай – последнее, что мне хотелось делать в данный момент, но я ощущала потребность чем-то занять руки.

– Не грусти, – продолжал Блейк. – Уверен, на следующей неделе у тебя снова будет шанс с ним поболтать.

Я застыла, не закончив движение, и уставилась на него

снизу вверх.

– Что? – прохрипела я.

Он спокойно ответил на мой взгляд.

– Ну, ты каждый раз приходишь сюда раньше, чем надо. И всегда, когда я появляюсь в аудитории, ты буквально ловишь каждое его слово.

– Ничего я не ловлю, – возмутилась я и одновременно почувствовала, как у меня загорелись щеки. Черт. Блейк чересчур внимателен.

– Да это же не плохо. Я тоже как-то раз запал на преподавательницу, – заявил он, равнодушно пожав плечами.

Я стукнула его по плечу:

– Ни на кого я не запала!

Он приподнял бровь:

– Ага, ясно.

Уклоняясь от его взгляда, я пялилась в пол. Пульс так участился, что у меня уже почти кружилась голова. Я едва могла дышать.

– Народ! – отразился эхом от стен коридора голос Доун.

Я посмотрела в ее сторону, потом на Блейка. Тот, видимо, заметил панику у меня в глазах, потому что изобразил, будто пальцами закрывает рот на замок. К сожалению, легче от этого на самом деле не стало.

– Почему вы не заходите? – поинтересовалась Доун и обняла нас в знак приветствия. А затем, как Блейк и я чуть раньше, начала дергать дверную ручку.

– Нолана еще нет, – сообщил Блейк.

Доун задумчиво переводила взгляд с него на меня и обратно.

– Считаете, он заболел?

– Не думаю, – пробормотала я.

– Правда. Тогда он бы наверняка прислал письмо, – вслух рассуждала Доун. – О, кстати, ваши комментарии просто класс! Вначале было чуточку больно читать отклик, но по итогу это оказалось хорошей встряской. Я уже переписываю те отрывки.

– Я рада. Боялась, что мы, может быть, были слишком строги.

Она помотала головой:

– Вообще нет. На этот раз мне все показалось намного понятней. Вы заранее договорились?

Я кивнула:

– Мы встретились и обсудили все наши комментарии.

Тут я услышала, как рядом кашлянул Блейк, и как можно незаметней наступила ему на ногу. Из-за его идиотского намека меня бросило в пот.

Один за другим подтягивались остальные слушатели курса и присоединялись к нам. Это бесспорно были самые длинные десять минут в моей жизни. Все болтали о прошлых выходных, предстоящей промежуточной сессии и прочей университетской чепухе, в которую я толком не вникала, потому что мысленно зациклилась на Нолане и на том, что у Блейка

оказался слишком внимательный взгляд.

Я думала, не поговорить ли с ним еще раз, и уже собиралась попросить его подождать меня после занятия, когда к нашей группе подошел Нолан. Он поднял ключи над головой и позвенел ими.

– Пропустите меня, чтобы я мог впустить вас, – прокричал он и протиснулся по узкому проходу, который мы для него сделали, расступившись. Я ловила его взгляд, однако он распахнул дверь и направился вперед, к своему столу, не глядя ни на кого из нас.

Вместе с Доун я вошла в аудиторию и запнулась, обнаружив, что на полу по кругу уже разложены подушки для сидения. Мне показалось, будто кто-то схватил меня сзади и применил удушающий прием. Нолан приходил сюда заранее. Он подготовил кабинет и снова ушел. Я старалась не относить его поведение на свой счет, но была бессильна против растущей у меня внутри боли.

Двигаясь на автомате, я заняла место на полу около Доун. Блейк выбрал себе подушку справа от меня. Лучше бы он сел где-нибудь еще. Я напряженно сверлила взглядом центр круга, подавляя желание посмотреть на Нолана.

– Итак, ребята. Как здорово, что вы сегодня здесь, – заговорил он через пару минут и шагнул к нам. Теперь я просто не могла иначе, просто не могла не поднять глаза.

Щеки у Нолана слегка покраснели, словно он много времени провел на улице. На нем были джинсы с дырками

на коленках, серые кеды и футболка с логотипом сериала «Buzzfeed-Unsolved». В любой другой день я бы обрадовалась этому новому совпадению между нами. В любой другой день Нолан не избегал бы моего взгляда. В любой другой день он бы поприветствовал меня теплой улыбкой и спросил, как у меня дела.

– Я посмотрел ваши работы и оставил свои пометки, – произнес он и начал раздавать распечатки выполненных заданий. – Блейк, для тебя я принес награду, потому что ты впервые прислал что-то чуть раньше. Аплодисменты, пожалуйста. – Нолан вручил Блейку лист вместе со сникерсом, в то время как остальные смеялись и аплодировали. Я не могла пошевелить руками. Мне казалось, будто они сделаны из свинца.

– Джекпот! – воскликнул Блейк возле меня и разорвал обертку на шоколадке. Откусив от нее, он протянул батончик мне. Я была в состоянии только качнуть головой.

Теперь моя очередь. Я смотрела вверх, на Нолана, пока он перебирал стопку и искал мою работу.

Посмотри на меня, – думала я. – Пожалуйста, посмотри на меня.

– Хорошая работа, – сказал он и отдал мне листок. И еще до того, как я нормально его взяла, разжал пальцы, так что страница спланировала мне на колени. Нолан отвернулся от меня и протянул Доун ее сочинение. Я тем временем не отрывала взгляда от листа у меня на коленях и пыталась не по-

казывать, как во мне поднималась паника.

Сейчас у меня есть ответ на вопрос, намеренно ли Но-лан прятался от меня в «Скайпе». Очевидно, прошлая пятница разрушила между нами больше, чем я предполагала. Нолан делал все, что в его силах, чтобы избежать разговора со мной. Даже более того: он делал вид, что меня вообще не существует.

Глава 10

От: Нолан Гейтс <ngates@woodshill.edu>

Дата: среда, 28 сентября, 22:43

Кому: список рассылки: <Слушатели дисциплины по выбору «Писательская мастерская 2»>

Тема: Монстр

Дорогие студенты!

Высылаю вам задание, которое прошу отправить мне не позднее воскресенья. Спасибо за сегодняшнее прекрасное занятие.

Всего доброго,

Нолан

Я скачала вложение и открыла файл. Нам нужно было написать текст о монстре. Нолан не уточнял, о каком виде монстров должна идти речь, тем самым предоставляя нам простор для воображения. Я вновь закрыла задание и, задумавшись, уставилась на его письмо. Всей душой я жалела о том, что в пятницу поддаюсь моменту. Нолан важен мне... тот единственный маленький жест ни в коем случае не должен разрушить наши отношения. Я хотела и дальше общаться с ним, смеяться вместе с ним, читать книги и спорить часами.

С глубоким вздохом я создала новый документ. Выполню задание и пошлю его ему с парочкой дружеских слов. Пусть

знает, что между нами и впредь все может быть абсолютно нормально и я не собиралась намеренно усложнять ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.